

Г. Геродник

ПРАВДА О ПСКОВО-ПЕЧОРСКОМ МОНАСТЫРЕ

Беседы
С ВЕРУЮЩИМИ

Геннадий Геродник

ПРАВДА
О ПСКОВО-
ПЕЧОРСКОМ
МОНАСТЫРЕ

Государственное издательство
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва • 1963

Среди верующих пользуется известностью Псково-Печорский монастырь. Сюда приезжают, чтобы приложиться к чудотворной иконе, поставить свечу Успенской божьей матери, попросить святых отцов помолиться о здравии...

В монастыре несколько раз побывал живущий в Эстонии писатель Геннадий Геродник. О своих впечатлениях он рассказывает в брошюре «Правда о Псково-Печорском монастыре». Перед читателем проходит вереница колоритных образов монашеской братии и посетителей монастыря.

Написанная порой с юмором, порой с гневом, брошюра дает яркую картину монастыря как оплота религиозного мракобесия.

В брошюре использованы фотографии М. Изборского (г. Псков) и архивные фотодокументы.

Отзовы просим посылать по адресу: Москва, А-47, Миусская пл., д. 7, Госполитиздат, редакция научно-атеистической литературы.

ЭКСКУРСИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Если бы все монахи и священники служили каждый по 20, по 30 и даже по 50 месс в день, они не стоили бы все вместе, что называется, даже одного гвоздя. Гвоздь — все же вещь полезная и необходимая, без которой в некоторых случаях нельзя обойтись; а все молитвы, проповеди, мессы, которые умеют служить постриженные монахи и другие церковники, совершенно бесполезны и годны только для того, чтобы доставлять доходы тем, кто их выполняет.

Ж. МЕЛЬЕ

Пригородный поезд Валга — Печоры пересекает очень своеобразный уголок нашей страны. Здесь, на стыке Эстонии и Псковщины, эстонское перемешалось с русским и в языке, и в обычаях, и в одежде. В этих краях еще в долетописные времена мирно жили бок о бок наши далекие предки — русоголовые кривичи и чудь белоглазая.

Раньше так называемый Печорский край входил в состав буржуазной Эстонии. После войны большая часть уезда с преобладающим русским населением отошла к Российской Федерации.

Еду в Печоры. В вагоне смешение языков: говорят по-эстонски, на вырусском наречии, на диалекте небольшой эстонской народности сету и с характерным псковским выговором по-русски.

Пересекаем речку Пиусу, а у псковичей она Пизжа. Справа, южнее, остается деревня

Обиница, название вполне русское. Но стоит чуть-чуть изменить окончание, и получается совсем по-эстонски — Обинитсе. А налево, примерно напротив Обиницы, есть селение, название которого представляет собой настоящий эстонско-русский гибрид — Микитамяги, что значит Микитова Гора. В Печорском районе находится поселок Старый Изборск. Русские летописи свидетельствуют, что это древнейшее поселение славян существовало уже в 862 году. Изборск по-эстонски звучит Ирбоска.

Печоры — Петсери... Раньше это означало одно и то же. Сейчас первое название закреплено за городом, второе — за железнодорожной станцией.

На одном из полустанков в вагон входит болезненного вида старушка. Ее сопровождает молодая женщина, видимо дочь. Старенькая спотыкается, спутница предупредительно поддерживает ее.

— Ох ты, господи! Для старой бабы и на ровном месте ухабы! — восклицает недужная. Она и охает, и стонет, но не прочь поговорить. Высматривает под стать себе попутчицу, садится с ней рядом.

Новая пассажирка поведала своей соседке, что уже несколько лет ее изводят «головное кружение и ревматизма». Лечилась у докторов, сажала пчел на распухшие суставы, обкладывала себя горячими хлебами, прямо из печки, доставала у знахарки Кушпиhi настойку из семи целебных трав на трех святых водах... Ничего не помогает! Как была в костях ломота, так и осталась, а голова еще пуще кружится...

— Одна надежда осталась — на Печорский монастырь, — заканчивает свой рассказ старушка. — Приложусь к чудотворной иконе, поставлю свечу Успенской божьей матери, попрошу отца Симеона о моем здравии помолиться... Авось не одно, так другое или третье поможет.

Дочь со скучающим видом сидит напротив матери. Надо думать, не верит она ни в настойку знахарки Кушпихи, ни в чудотворную икону, ни в молитвы отца Симеона. Но ведет себя выдержанно, в беседу старушек не вмешивается, только время от времени снисходительно улыбается. Очевидно, сопровождает мать лишь потому, что отпустить ее в такое путешествие одну невозможно. Вот молодая женщина подавила вздох, бросила короткий взгляд в мою сторону и стыдливо отвернулась к окну.

У другой старушки особых недугов, не считая дряхлости, не было. Ехала она в монастырь помолиться и заказать поминание по сыну Федору, убитому в минувшую войну под Пустошкой...

От станции до города два километра. Небольшой, до отказа набитый автобус взбирается на возвышенность, ныряет в речную низину и опять с трудом ползет на крутое взгорье. По сторонам густой сосновый бор, песчаные холмы.

Невелик городок Печоры. Много зелени, на улицах большие транспаранты с цифрами семилетки, с обязательствами района по животноводству и льноводству. Вывески: русская и эстонская средние школы, Дом пионеров, школа-интернат, детская музыкальная

школа... Афиши: гастроли Псковского областного драматического театра, в Доме культуры лекция «Женщина и религия», вечером предстоит футбольный матч Дно — Печоры... На улицах и в скверах пионеры, отдыхающие горожане, мамы и бабушки с детьми, старички пенсионеры, приехавшие на рынок колхозники... По случаю выходного дня идет бойкая торговля в магазинах, большинство которых расположено в старинных торговых рядах.

Одним словом, городок как городок. Все так понятно, обычно и привычно.

И вдруг в просвете между домами блеснули купола — тут же, в городе, в трехстах метрах от рыночной площади. И не какие-нибудь обшарпанные, ветхие. Главы церквей переливаются яркими, свежими красками, кресты сверкают позолотой. Совсем как в «Сказке о царе Салтане»:

Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей
И святых монастырей.

Весь этот средневековый ансамбль в черте современного города рядом с дымящей фабричной трубой кажется чем-то инородным. Вроде временного бутафорского сооружения для съемки исторической кинокартины.

У древнего крепостного рва стоят десятки машин: автобусы, грузовики, легковые машины всевозможных марок. В числе экскурсантов сегодня ленинградцы, калининцы, латыши, эстонцы и даже гости из далекой Грузии.

Главный вход в монастырь — Петровские ворота. В эти ворота прошли тысячи людей с надеждой на божью помощь, через эти ворота они уходили, не получив ее.

Но Печорский монастырь привлекает не только экскурсантов и туристов.

В царское время ни одна школьная хрестоматия не обходилась без стихотворения известного славянофила А. С. Хомякова о монастырских богомольцах. В нем есть такие строфы:

Громко песни раздалися,
В небе стих вечерный звон...
Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклон?
— Я — от Ладоги холодной.
— Я — от синих волн Невы.
— Я — от Камы многоводной.
— Я — от матушки Москвы...

От этих строк и от стихотворения в целом так и разит квасным патриотизмом, либованием сытого барина Русью странников и нищих, Русью коленопреклоненной и юродствующей.

Казалось бы, давным-давно канули в лету такие явления русской действительности как богомольцы, юродивые, нищие, истязające себя схимники. В общем — да. Но кое-что, к сожалению, еще осталось. И чтобы увидеть эти пережитки далекого прошлого, достаточно побывать в Печорах.

У главных монастырских ворот славянской вязью выведено: «Любит Господь врата Сиона паче всех селений Иаковлевых». Эти слова означают, что сие святое место пользуется особым покровительством всевышнего. Перед воротами по обе стороны липовой аллеи сидят нищенки. У одной изможденное лицо истерички-кликуши, другая выглядит опустившейся пьянчужкой, третья — хитровой базарной перекупщицей. Одеты в общем

на один фасон — с успехом сошли бы статистами для массовых сцен оперы «Борис Годунов». Протягивают руки, зазывают, подобострастно кланяются, с угодливостью заглядывают в глаза. А одна, наиболее разбитная и проворная, заскакивает вперед и с назойливостью цыганки-гадальщицы выпрашивает милостыню. Противно! Будто ступаешь босыми ногами по дороге, усыпанной скользкими моллюсками.

Откуда их столько?! Быть может, в Печорах люди живут настолько бедно, что нужда заставляет многих просить подавание? Конечно, не в этом дело. Просто по давнишней традиции вокруг монастыря окопалось немало паразитов-попрошайек, которые привыкли подбирать крохи с монашеского стола. Одни в тот же день пропивают выклянченные деньги, для других нищенство у монастырских ворот превратилось в своего рода подсобный промысел. Некоторые богомолки, прибывшие в Печоры издалека, ухитряются одним выстрелом убивать не двух, а нескольких зайцев — и замолить земные грехи, и получить от монахов ордер на жилплощадь под райскими кущами, и обеспечить себе попрошайничеством бесплатную дорогу, и сберкнижку пополнить.

Через Петровские ворота вхожу в небольшой дворик — и опять по обе стороны нищие. Но здесь кроме женщин есть и мужчины: седовласый старик, будто сошедший со страниц романов Мельникова-Печерского, инвалид с парализованными ногами и непрерывно трясущимися руками, спившийся калека с обнаженными кульями ног...

Все, как говорится, друг другу в масть, и только один молодой человек выделяется среди них белой вороной. Лоснящаяся от репейного масла голова, аккуратный пробор, фатовские усики, узкие брючки, желтые полуботинки на дюймовой подошве... И держит перед собой не какую-нибудь шапку с оторванным козырьком, а новенькую фетровую шляпу. Этакий гибрид купеческого приказчика времен А. Островского и современного пижона-стиляги! Интересы ради я подошел к этому монастырскому хлыщу, бросил в его шляпу монету. Придурковато шепелявя, юнец посулил дающему кучу небесных благ, на меня благодарственно глянули глупые, побараньи выпуклые глаза. Ясное дело — дебил, попросту говоря, дурак.

Приобретя мелочью расположение одной нищенки, я поинтересовался: Что это у вас за нарядный павлин? Бабка охотно рассказала историю ряженого балбеса. Явился в монастырь издалека. Пришел босой, в латаной одежде. Мой отец, говорит, у немцев полицаем служил, поэтому мне в деревне проходу не давали, мальчишки полицаевым выродком дразнили. Наконец одна странница надумала: поступай, отрок, в монастырь, замаливай отцовские грехи. Просился в монахи — не взяли. Свободных вакансий нет. Нынче в монахи любого встречного-поперечного не берут. Настоятель говорит: с придурками перебор получился, нужны в полном уме да грамотные. Стал дурачок у монастырских ворот побираться. Поначалу дело у него даже очень складно пошло, за месяц несколько сот насобиравал. И вот парень окончательно рехнулся:

пошел на днях в универмаг и купил себе обнову, как Мартын из конопель вырядился. Теперь богомолки его не жалуют, подаяний на пропитание не хватает. Известно — дурак, умный такого не сотворил бы!

Впереди еще одни, так называемые Святые ворота. В многометровой толще крепостной стены длинная аркатуннель. Таинственный полумрак,

налево в нишах целая галерея икон. Слабо мерцают лампы, тускло блестит потемневшая от времени позолота. С покрытых трещинами, облупившихся досок гипнотизирующе взирают лики святых. Старушки богомолки останавливаются, истово крестятся, бьют поклоны. Но что за наваждение? Идущая впереди меня дородная молодая женщина следует примеру старушек. Даже глаза закатывает от умиления и блаженного экстаза. Ярко напыженные лилового цвета губы, модельные туфли на каблуках-шпильках, в руках модная бархатная сумочка, в ушах крупнокалиберные клипсы, очень похожие на жестяные пробки от лимонадных бутылок, пластмассовое кольцо сжимает на макушке игриво изо-

Замаливая грехи и прося о милости... На монастырском дворе.

гнутой «лошадиный хвост». Казалось бы, что общего у этой расфуфыренной мадам с дряхлыми богомолками? А вот поди ж ты!

Перед нами утопающий в зелени естественный амфитеатр. Старинные тенистые аллеи, посыпанные песком дорожки, по обочинам удобные скамейки, на крутых склонах ступеньки с перилами. По аллеям степенно шествуют экскурсанты, богомольцы и хозяева сей обители — монахи. Людно, но тихо, никто не повышает голоса. Цветы, воркующие голуби, мелодичный перезвон колокольцев башенных часов. Над густыми шатрами деревьев возвышаются купола — и на дне амфитеатра-чаши, и на склонах, и вверху. Сейчас в монастыре семь действующих церквей и один собор.

На дне чаши большим прямоугольником расположены трапезная, братский корпус, то есть общежитие для рядовой монашеской братии, ризница, одиночные кельи для схимников, покои настоятеля и других заслуженных иерархов обители... Отдавая долг старине, святые отцы не гнушаются и достижений культуры: пользуются электрическим светом, канализацией, водопроводом. Проживавший в монастыре на покое престарелый архиепископ Владимир имел собственный лимузин, настоятель монастыря тоже приобрел легковую машину.

Внизу, на обширной паперти Успенской церкви, собралось более сотни экскурсантов. Беспорядочно толкуются, чего-то выжидают, перехватывают проходящих мимо монахов. Одни монахи отмахиваются — должен, мол, прийти специальный экскурсовод, — другие

более сговорчивы. Вот две девушки нагнали быстро шагающую рясу:

— Товарищ отец, скажите, пожалуйста...

Монах обернулся. С густо заросшего темно-каштановыми волосами лица глянули печальные глаза. И девушки, и «товарищ отец» явно смущены.

— Скажите, пожалуйста, почему вы такой грустный?

— Значит, богу угодно, чтобы я сегодня был грустный. Веселие и грусть — дар божий.

— А кто вас лечит, если заболеее?

— Если недуг легкий, отлеживаемся у себя в келье или в монастырском изоляторе. В серьезных случаях лечимся в городской поликлинике, ездим на курорты. Мирских докторов не гнушаемся, ибо искусство врачевания тоже дар божий.

— А спутник видели?

— А как же, наблюдали. Места у нас гористые, для созерцания небес сподручные. И греховного в этом не усматриваем, ибо спутник тоже дар божий.

Да, этот молодой монах — хитрый малый! Своим «даром божьим» он, точно щитом, защищается от любых каверзных вопросов. Во всяком случае, не этим малоискушенным девицам с ним тягаться.

Монаха постарше осаждают старушки, заказывают ему поминания по усопшим. Среди них и одна из моих попутчиц. Старушки наперебой называют имена, суют деньги. Старец уводит их куда-то, чтобы зарегистрировать заказы в специальную поминальную книгу.

Наконец появляется долгожданный гид с объемистым пуком тонюсеньких свечей.

Здесь же, не сходя с места, он скороговоркой излагает историю обители, называет главные достопримечательности:

— История монастыря теряется в веках. Из преданий, записанных впоследствии монахами, известно, что впервые на природную пещеру в песчаной горе наткнулся крестьянин из деревни Пачковки. Это было в 1392 году. Первым обитателем пещеры стал неизвестно откуда пришедший монах Марк. Впоследствии рядом с ним рыли себе убежища беглые люди из Юрьева, Пскова, Изборска... От этих пещер, по-старинному пещор, впоследствии получил свое название город Печоры.

...В 1470 году в эти края прибыл бежавший из Юрьева от преследований ливонцев священник Иоанн Шестник с женой и детьми. При помощи монахов он строит в Святой горе пещерную церковь, которую с разрешения новгородского архиепископа Феофила освящают в 1473 году в день успения божией матери. Иоанн Шестник постригся в иноки под именем Ионы, его жена стала монахиней Вассой. Первосоздатели монастыря Марк, Иона, Васса и другие похоронены в пещерах.

...Крепостные стены строил Иван Грозный во время Ливонской войны, с 1558 по 1565 год. Камни возили за двадцать верст, из Изборска, для чего подворной повинностью были обложены все окрестные крестьяне. Рвы вокруг крепости вырыли солдаты по приказу Петра Первого.

...Наверху, у входа в обитель, в 1570 году свершилась большая несправедливость. В мо-

пастырь нежданно-негаданно нагрянул сам грозный царь Иван. Навстречу ему с крестом в руках вышел игумен Корнилий. Вместо того чтобы ответить на приветствие настоятеля, разгневанный чем-то государь выхватил меч и отсек ему голову. Но тут же раскаялся в содеянном, понял, что преподобный Корнилий не мог быть повинен в тех страшных грехах, о которых клеветники донесли в Москву. Царь поднял убиенного на руки и снес его вниз к Успенской церкви. Эта дорога, по которой Иван Грозный пронес обезглавленного игумена, с тех пор называется «Кровавым путем». Во Псково-Печорском синодике об этом памятном событии повествуется следующими иносказательными словами: «От тленного сего жития игумен Корнилий царем земным предпослан к Царю небесному в вечное жилище в лето 7078 в 20 день на 69 году жизни». Впоследствии царь Иван всю жизнь сожалел о своем опрометчивом поступке и всячески одаривал Печорскую обитель.

Надо сказать, что в этой истории «усекновения главы» игумена Корнилия мне многое показалось неясным, недосказанным. Но об этом в свое время, а пока будем слушать нашего гида, который галопом продолжает путешествие по столетиям.

— ...Вот старинная звонница, построенная в XVI веке. На ней в два яруса колокола — от многопудовых великанов до малюток-подголосков. Самый верхний колокол — дар Бориса Годунова, пониже — два больших колокола Ивана Грозного и Петра Первого. Когда еще не было колоколов и звонницы, их

заменяло вот это вечевое било, иначе называемое «адамовым ребром».

Перед нами на столбе висит стариннойковки стальная дуга. Огромная, метра четыре в длину. Сейчас древний металл навеки уснул музейной спячкой, а полтысячи лет назад был в центре событий. То звенел праздничным благовестом, то гудел тревожным набатом, созывая защитников на крепостные стены, то спокойно отмерял течение мирных будней.

— ...Вон под деревом в остекленном павильоне стоит карета Анны Иоанновны. Императрица самолично навестила монастырь и на память оставила свою колесницу.

Подходим к павильону, обозреваем карету императрицы. У большинства на лицах можно прочесть разочарование: думали увидеть бог весть какое изящество, а на самом деле это очень топорная, неуклюжая колымага. Ее порожняком тащить и то надо несколько лошадей.

Наш гид заканчивает свою короткую беседу, со всех сторон сыплются вопросы.

— Сколько сейчас в монастыре монахов?

— Ныне славу обители поддерживают семьдесят монахов.

Еще и еще вопросы, но экскурсовод отвечает через пятое на десятое — он явно торопится. Вот уже раздает свечи-карандашики. Минимальная стоимость «карандашика» — два рубля¹. Верующие по своему желанию дают и больше — на процветание святой обители. Приобретение свечи — обязательное

---

¹ Здесь и далее суммы приводятся в старом масштабе цен. — *Ред.*

условие для желающих осмотреть катакомбы. Монах набирает первую партию, человек тридцать — сразу больше нельзя, — и ведет к массивной двери левее Успенской церкви. Над дверью славянской вязью написано: «Вход в пещеры Богом зданные». Видимо, надо понимать «богом созданные», то есть естественного происхождения. Зажигаем свечи и один за другим ныряем в подземный мир.

Даже при очень слабом освещении видно, что эти «богом зданные» подземные ходы проложены рукой человека. Наша партия цепочкой растянулась на десятки метров, где-то впереди глухо звучит голос монаха. Вот ржавые цепи-вериги, которые праведники носили на своем теле, дабы очистить, укрепить и возвысить свой дух. В этих гробницах покоятся святые первосоздатели монастыря, тщанием коих воздвигалась и прославлялась сия обитель.

— А если открыть крышку и посмотреть на святых? — спрашивает робкий девичий голос.

Монах ссылается на недопустимость осквернения святыни. И вообще, «кто верует, того не терзают сомнения». На помощь монаху приходит одетая под монашенку бабка. Такие, смиренного вида старицы, чем-то очень похожие на мокриц, снуют по всем монастырским закоулкам.

— Один тут, еще в давнишние годы, пробовал открыть, — таинственно вещает она. — Так сразу гром небесный с молоньей поразил надругателя. А в последнюю войну напали на монастырь немцы, забрали много церковной

утвари, книг старинных. И что ж вы думаете! Не успели они отъехать к эстонскому городу Выру, как налетели на них православные самолеты и смешали грабителей с землей!

— Самолеты все-таки не православные были, а советские, — поправил кто-то бабку.

«Ничего себе версия! — подумал я. — Оказывается, господь бог иногда свои карательные операции координирует с планами армейского командования».

Между тем наша процессия, слабо озаряемая желтым светом свечей, шествует дальше по улицам и переулкам подземного апокалипсического града. Всего здесь семь основных магистралей, общей протяженностью в двести метров. От живой, покрытой зеленью поверхности земли нас отделяют десятки метров туго спрессованного, мертвого песчаника, от сегодняшнего дня — много столетий. На стенах улиц-штолен таблицы-надгробия с надписями, более или менее разборчивыми и стертыми временем. Здесь хоронят монастырскую братию. Кое-где стенки замурованных могильных входов провалились внутрь. Провосываем свечи в одно из таких зияющих пустотой отверстий. Смутно вырисовываются своды огромного склепа, штабелями стоят десятки нагроможденных друг на друга гробов. Своеобразная братская могила. Некоторые гробы развалились от ветхости, на земле валяются табачного и шоколадного цвета человеческие кости и какая-то позлащенная ветошь. Быть может, именно эта картина воодушевила когда-то Ивана Бунина написать «Гробницу»:

Глубокая гробница из порфира,
Клоки парчи и два крутых ребра,
В костях руки — железная секира,
На черепе — венец из серебра.
Надвинут он на черные глазницы,
Сквозит на лбу, блестящем и пустом,
И тонко пахнет из гробницы
Истлевшим кипарисовым крестом.

Несмотря на все, воздух здесь удивительно свежий. И это обстоятельство умело использует монах:

— По приблизительным подсчетам в этих богом зданных пещерах похоронено более десяти тысяч человек. Некоторые погребения, как видите, даже не закрыты. Но обратите внимание — воздух здесь особенный, кристально чистый. Похороненные в святых пещерах избегают обычного тления. А цветы здесь, наоборот, благоухают еще сильнее, чем на открытом воздухе.

— Но ведь в этом ничего сверхъестественного нет! — не выдержал молодой человек в очках. — Наукой установлено, что в таких глубоких песчаных пещерах, где постоянная температура и нет микробов, трупы не гниют, а мумифицируются. А если и разлагаются, то лишенный грунтовых вод песок поглощает трупную жидкость...

На молодого человека со всех сторон зашикали бабки. Не особенно довольны были и некоторые экскурсанты помоложе: дескать, время и место для научного диспута выбрал неподходящее. Тут уж ешь, что подают на стол. Даже интересно послушать для разнообразия разглагольствования монаха. Иные только для этого и шли в катакомбы, чтобы

окупнуться в атмосферу мистической таинственности, а трезвая реплика очкастого молодого человека на некоторое время испортила им все впечатление.

«Так-то оно так, — подумал я. — Для людей идейно закаленных, с достаточной научной подготовкой подобные путешествия за острыми ощущениями не принесут вреда. Но кто знает, какие тлетворные семена может заронить такой «экскурсовод» в души неустойчивые, в сердца юношей и девушек, мировоззрение которых еще только формируется? Да, воздух здесь действительно чистый, а пояснения монаха так и кишат зловредными микробами».

— А что это за свежие ниши в стенах?

— У нас каждый брат уже при жизни готовит себе место для вечного упокоения, — поясняет гид.

Ничего себе перспектива! Собственно-ручно вырыть себе яму и затем до конца жизни чувствовать, что где-то неподалеку тебя ждет не дождется гостеприимно разверстая могила.

Упираемся в тупик. За барьером алтарь подземной Рождественской церкви. Опять та же несложная бутафория: аскетические лики икон, блестящая мишура, чадающие лампадки. Но на верующих это производит потрясающее впечатление. Несколько богомолков так и рухнуло наземь перед святынями. Низкие поклоны, вздохи, молитвенные стенания... Присматриваюсь — здесь и моя попутчица, жаждущая исцеления от «головного кружения и ревматизмы». Дочь стоит поодаль в позе терпеливого ожидания.

Выходим наружу, шуримся от яркого света. В заключение гид обращает наше внимание на верхнюю часть стены. Там видим огромное изображение ангела, указующий перст которого протянут в сторону циферблата башенных часов.

— Эта аллегорическая картина выражает следующую мысль, — заканчивает свои пояснения монах. — Посмотрите, сколь быстро течет время! Стрелки часов движутся непрерывно, и каждый оборот их приближает нас к смертному часу. Жизнь человеческая всего лишь краткое мгновение по сравнению с вечностью, и все земное — суeta суeta. Подумайте, пока не поздно, о спасении души своей!

Да, жизнь наша быстротечна и дается нам всего один раз. Но вывод из этого непреложного факта мы делаем как раз противоположный. Николай Островский, например, по этому поводу сказал... Но с кем спорить, кому доказывать?! Нашего гида уже со всех сторон окружила новая партия подземных путешественников.

На обедню я опоздал, но была еще возможность попасть на вечерню. А пока что решил осмотреть город, пообедать, зайти в местный краеведческий музей.

В закуской встретил некоторых моих знакомых, сидевших утром у монастырских ворот. Одна из них, самая назойливая, была навеселе. Пела, паясничала, выпрашивала у буфетчицы стакан коньяку...

В трех комнатках музея всего понемногу: и примитивные орудия труда первобытного человека, и чучело утки кряквы, и

засушенная ветка багульника, и дань сегоднешнему дню — экспозиции успехов предприятий и колхозов района. Все это очень хорошо. А вот о Псково-Печорском монастыре стыдливо умалчивается. И совсем напрасно! К сожалению, это тоже наша современность, хотя и отживающая свой век. Да и не только стыдиться надо такого соседа, им можно и следует гордиться: Псково-Печорская крепость, века стоявшая на страже северо-западных рубежей государства Российского, может поведать нам о патриотизме наших предков, и о славе русского оружия, и об искусстве русских зодчих, русских умельцев.

Спросил в книжном магазине, нет ли какой литературы о Печорском монастыре, об Изборске и вообще о Печорском крае. Ответили: нет и не бывало. Такой же ответ получил в соседствующем с монастырем книжном киоске. Очень жаль!

Вечером опять иду в монастырь. В переулке встречаю женщину с коромыслом на плечах, она несет наполненные огурцами ведра. Между прочим, Печоры и весь Печорский край издавна славятся луком, клубникой и огурцами.

— Здравствуй, Марфа Савельевна! — кричит женщина через дорогу одетой под монашку бабке. — На вечерню?

— На вечерню, милая, на вечерню...

— Отбей там и за меня поклончик. Сама сегодня не могу. Видишь, занята, завтра утречком огурцы в Тарту повезу на рынок...

— Отобью, милая, отобью!

У монастырских стен нищих стало пожи-

же. Видимо, некоторые еще не проспались от послеобеденных возлияний. Много новых лиц. Быть может, дежурство у ворот несут посменно?

На зов колокола в Успенскую церковь собираются верующие, показываясь с заспан-ными глазами монахи. Рядовой состав в остроконечных скуфьях, высшие чины монастырской иерархии в высоких клобуках. Многие отцы неряшливы, а иные и в монашеском облачении ухитряются выглядеть элегантными франтами. Лакированные штиблеты или хромовые сапожки, шелковые рясы с отутюженными складками, ниспадающие на грудь волнистые холеные бороды.

Служба уже началась, а опоздавшие скуфьи и клобуки все тянутся из братского корпуса, келий и покоев. Вот почтенный отец трусит мелкой рысцой, по-бабьи приподняв подол подрясника. На ногах у него наскоро надетые шлепанцы.

В области церковных служб я дилетант, всех достоинств вечерни по заслугам оценить не могу. Один отец мелодичным тенорком

Для святых отцов время — по-
длинно деньги. Святые отцы спе-
шат в божий храм на богослу-
жение.

нараспев читает старославянский текст, другой вторит ему на несколько тонов ниже. В содержание молитв вникнуть трудно, более или менее отчетливо улавливаю только часто повторяемое «господи, помилуй!».

У входа стоит столик, на нем разложены пачки уже знакомых нам тоненьких свечей. Будто пучки ранней морковки на прилавке овощного лотка. Над пачками этикетки — 2, 3, 5, 10, 15 и 25 рублей. Это, конечно, стоимость не всей пачки, а отдельной свечи, и от вашего рвения зависит, какую взять, все они одинаковы. На стене крупными буквами надпись: «На общую свечу». Подходит старушка, моя попутчица по вагону, робко протягивает десятирублевку. Монах-кассир равнодушно швыряет деньги в ящик и выдает бабке свечу из пачки десятирублевого достоинства. В ней божьей благодати ровно на десятку. Велика же будет эта «общая свечка», пожалуй, с телеграфный столб! Между прочим, старушка эта сегодня изрядно потратилась. На моих глазах уплатила и за вход в «богом зданные» пещеры, и за поминание сына Федора, и за образок Умиления божьей матери Владимирской, и здесь за свечу. А быть может, это еще не все? Возможно, ей удалось побывать у святого старца Симеона?

Дюжий рыжий монах бесшумно расхаживает среди присутствующих и очищает божий храм от скверны. Дело в том, что под видом верующих любопытства ради просачивается и нежелательный элемент. Дежурный отец легким прикосновением перстов к плечу приглашает к выходу.

— С фотоаппаратом здесь не разрешается. Прошу!

Молодой человек послушно удаляется. За ним следует живописная парочка, которая притаилась было за массивной колонной. Девушка в коротких узких брючках, на молодом человеке пестрая короткорукавка-сингапурка и трусы-штанишки, шорты. На сингапурке изображена вся флора и фауна тропической юны, на штанишках вышит не то нотный ключ «соль», не то средневековый рыцарский герб. В данном случае я был целиком на стороне дежурного монаха. Этаких пляжных райских птиц не только во храм — в любое общественное место не надо пускать.

Вот дежурный подошел к знакомой нам даме с клипсами-пробками на ушах. Да, нелегко по внешнему виду судить о том, что делается в душе человека! Монах нерешительно остановился. Это, мол, что за птица? Недоумение отца разрешилось само собой. Звучание монотонного дуэта усилилось, передние ряды молящихся пали на колени. Дама вынула из сумочки газету, расстелила перед собой и, благоговейно взирая на алтарь, последовала примеру богомолков.

После вечерни святые отцы расходятся по своим кельям и покоем. Еще одно усилие — сходить в трапезную, — и трудовой день будет завершен. Закончили свою утомительную вахту и нищие. Некоторые из них тут же подсчитывают добычу, сортируют медь, серебро и ассигнации. Вот нищенка разложила перед собой на тряпице бутерброды, плавленый сыр и прочую снедь. Едой надо запастись из дому, в наш век денежных расчетов подаяние

натурой считается признаком глубокой отсталости подающего и почти не практикуется. Персонаж из Мельникова-Печерского прячет свою скамеечку в нишу монастырской стены. Так удобнее, зачем ее таскать каждый день домой. В девять часов загремят окованные железом ворота, и монастырь до утра окончательно отгородится от остального мира.

СВЯТЫЕ УГОДНИКИ

...Монашество... не что иное есть, как черным платьем прикрытое блудодеяние и содомство, наносящее знатный ущерб размножению человеческого рода...

М. ЛОМОНОСОВ

Спустя месяца полтора, в том же 1959 году, мне опять пришлось побывать в Печорах. Я не упустил случая зайти в монастырь и попригласовать на обедне в Михайловском соборе.

К слову, этот самый большой монастырский храм построен в 1827 году в честь победы над Наполеоном. Большая часть средств на строительство вложена графом Витгенштейном, который командовал корпусом, прикрывавшим северо-западный фланг русской армии.

На этот раз богослужение произвело на меня более сильное впечатление, чем во время прошлого посещения. Общеизвестно, что церемониал церковной службы — это комплексное, массированное воздействие на все органы чувств человека, на его эмоции и сознание одновременно: пышная бутафория храма, а нередко и настоящие произведения искусства — на зрение, пение — на слух, курения кадил — на обоняние, целование икон и креста — на осязание, причащение — на вкус и в довершение высокопарный, малопо-

нятный текст молитв и песнопений — на сознание.

Значительно проще, чем содержание молитв, оказалось постичь смысл проповеди. Впрочем о смысле в данном случае можно говорить только условно, а по существу это было настоящее средневековое суесловие. С пафосом, достойным лучшего применения, монах битый час громил и сокрушал... белую и черную магию. Досталось на орехи и князю тьмы, и его сподручным, и ведьмам и прочим разновидностям нечистой силы. Это в наши-то дни! В век атомной энергии, кибернетики и космических полетов!

Находясь в толпе молящихся, невозможно оставаться безразличным. Одно наблюдаешь с иронией, другое — с чувством омерзения, третье вызывает негодование и протест. Нельзя, например, без чувства гадливости видеть, как десятки и сотни богомолков в молитвенном экстазе лобызают одно и то же место иконы. Зацеловывают толстое зеркальное стекло до того, что на пол стекает слюна...

Когда начинается массовое причащение, сначала с философским спокойствием взираешь, как дряхлые бабки наперебой тянутся за «телом божьим». Думаешь, бог с ними, каждая из этих старушек начала свой жизненный путь еще в прошлом веке. Когда же перед архимандритом в «золотой рогоже»¹, благоговейно смежив веки, раскрывает накрашенный рот двадцатилетняя девица, тут уж приходится удивляться. Так и хочется подойти к ней и, отведя в сторонку, тихонько спросить:

---

¹ Сравнение Льва Толстого.

«Скажите, пожалуйста, гражданочка, как и где вы ухитрились в наши времена вырасти... вот такой?»

А наблюдая, как к архимандриту вереницей подходят молодые матери с маленькими детьми на руках, остается только негодовать. Испуганные необычной обстановкой и устрашающим видом священнодействующего монаха — власатость, рев, зев и пучеглазие, — малыши заливаются слезами, вырываются, судорожно хватаются за шею матери. А монах ловкостью опытного дантиста сует ложку в ротик и привычным движением вытирает ее какой-то темной тряпкой. Малыш давится, мотает головой, морщится, выплевывает некусное яство и кричит не своим голосом. Мать бережно подставляет ладонь лодочкой, палету ловит «святую пищу» — тюрю из растворенных в кагоре просфор — и опять заглатывает в рот ребенку...

Впрочем, в отношении терминологии я только что допустил неуважительную отсебятину. «Какая-то темная тряпка», которой вытирают ложку после причастия, по описи церковной утвари официально именуется *платом*. А ложка, которую суют в сотни раскрытых ртов, тоже не какая-нибудь прозаическая ложечка для размешивания чая в стакане, а так называемая *лжица*. Эта утварь для совершения таинства причащения, по записаниям церковников, содержит на себе только божью благодать и никакой заразы. Блажен, кто верует!

Богослужение закончилось освящением и вознесением в честь богоматери просфоры-панакгии. Затем эту святыню в специальном

сосуде — панагииаре понесли из собора по направлению к трапезной. Торжественная процессия медленно движется через весь монастырский двор среди толп народа. Вперед архимандрит несет сверкающий позолотой сосуд, за ним шествуют десятки монахов парадном облачении.

При виде святыни верующие опускаются на колени, отбивают поклоны, иные богомолки пали ниц. Вот архимандрит и его свита скрылись в трапезной, туда же со всех сторон потянулась братия, не принимавшая участия в богослужении. Туда же поспешают длинные волосые молодые люди. Они тоже в подрясниках, но чем-то отличаются от монахов. Оказывается, десятка полтора студентов духовной семинарии и духовной академии проходят здесь... производственную практику. В нашем сознании с трудом укладываются воедино такие противоречивые понятия, как тунеядствующие монахи и производство, но факт остается фактом: эти двадцатилетние юнцы тоже состоят на монастырском довольствии.

Наконец дверь закрылась, и завершение этой церемонии — непосредственно трапезу — видеть мешают плотно занавешенные окна. Впрочем, что там делается, догадаться нетрудно: монахи принимают праздничный обед. Просфорой-панагией архимандрит перенес божью благодать от алтаря до трапезной, освятил монашескую пищу, и теперь, что ни подадут на стол, можно со спокойной совестью есть и пить до следующей такой церемонии.

Народ постепенно расходится по домам, но некоторые верующие еще не утолили сво-

что молитвенного рвения. Десятки богомолков, стоя на коленях, молятся на окна трапезной. О, святая простота! Ведь среди вас, уважаемые мамыши и бабушки, немало честных грузениц, проработавших всю жизнь, заслуживших государственную пенсию. Это вы, ваши дети и внуки вырастили хлеб насущный, который сейчас, на ваших глазах умирают великовозрастные бездельники. Это ваш труд, ваши рабочие руки по-настоящему освящают пищу. А эти ряженные трутни устроили пышный маскарад, который якобы дает им моральное право кормиться за чужой счет.

В Сретенской церкви напротив звонницы есть на всю стену картина: Христос несколькими хлебами и рыбами насыщает пятитысячную толпу голодных. Это всего лишь библейский миф. А то, что многие тысячи людей в течение нескольких столетий кормят в этой обители кучку тунеядцев-монахов и что эта история затянулась до наших дней, — это печальная действительность.

Разобраться в сущности церемонии перенесения панагии мне помог один печорский пенсионер, с которым я познакомился еще во время первого моего приезда в монастырь. Краевед, знаток Печорского края и местной русской старины, Георгий Петрович оказался для меня настоящей находкой. Когда я в сопровождении такого незаменимого гида еще раз прошелся по территории монастыря, то за каких-нибудь сорок минут узнал во много раз больше, чем за несколько часов, проведенных здесь до этого.

— Да, за монастырскими стенами публика собралась пестрая и весьма любопыт-

ная, — рассказывал мне Георгий Петрович, указывая на братский корпус, кельи и дом настоятеля. — Во-первых, в этом заповеднике нашли последний приют осколки навсегда ушедшего в прошлое, чуждого и враждебного нам мира. Они до сих пор не принимают нового и в озлоблении доживают свой век, видя в перспективе только могилу в «богом зданных» пещерах.

...Одна из наиболее колоритных фигур — отпрыск известного дворянского рода Сиверсов, Семен Яковлевич Сиверс. За антисоветскую деятельность в монархической организации «Союз спасения» матерый враг советских людей понес заслуженную кару. Отбыв наказание, перевоплотился в смиренного инок Симеона и устроился не хуже какого-нибудь персонального пенсионера.

...После гражданской войны значительную прослойку монахов составляли бывшие белогвардейцы, с оружием в руках сражавшиеся против Красной Армии. Некоторые из них дотянули и до наших дней. Списки монашеской братии украшали, отчасти и сейчас украшают, имена бывших солдат Юденича, Деникина, Корнилова, Врангеля, вроде иеродиакона Вениамина (С. А. Петухова), послушника Ефимия (Е. Кастенкова), иеромонаха Филарета (штабс-капитана Рухленко). Последний много лет провел за границей, служил в иностранном легионе, участвовал в подавлении освободительного движения в Африке. Когда наемника по возрасту отчислили из легиона, он возвратился на родину и устроился на хлебником в монастыре.

...Не обошлось в Печорском монастыре и без врагов советского народа более позднего происхождения. Борис Михайлов во время оккупации был гестаповским осведомителем, а после освобождения Псковщины стал дисерсантом — задержан при попытке пустить под откос пассажирский поезд. Отбыв наказание, принял обличье инокa Аркадия.

...В нарушение устава мужского монастыря в одном из покоев с комфортом проживает монахиня Анна, она же княгиня Обухова — вдова расстрелянного в годы революции киевского генерал-губернатора. Сейчас ей без малого сто лет. Недавно умер проживавший в монастыре «на покое» близкий друг княгини митрополит Вениамин, бывший в свое время епископом у Врангеля. Эта сановная пара долгое время обитала в эмиграции. Дожив до глубокой старости, митрополит и княгиня решили вернуться на родину, чтобы умереть и получить место вечного упокоения на русской земле.

...Чужая душа — потемки. Эта пословица наиболее уместно звучит именно здесь, применительно к монахам. Какое, например, моральное удовлетворение находит в сером монастырском прозябании мужчина в расцвете лет — иеродиакон Нафанаил, в миру Кронид Пospelов? Ведь он по образованию техник-строитель. Почему он в роли монастырского казначея-ключника корпит под мрачными сводами, а не возводит для людей дома? Ведь на его учение затрачены большие народные средства. А в результате вместо создателя получился тунеядец. Видимо, у иеродиакона Нафанаила расчет простой: быть поближе к

монастырской казне куда выгоднее. И хлопот меньше. Кому-кому, а монастырскому казначею это хорошо известно.

...А какие побуждения заставили надеть монашескую рясу Константина Гаврилова? В 1924 году окончил историко-филологический факультет Киевского университета, работал педагогом, служил в органах народного образования. И вдруг под именем Сергия постригся в монахи. Верующие такой шаг объясняют очень просто: «Человек прозрел, отшелся ото всего земного, решил заняться самоусовершенствованием, спасением души своей». Допустим, так. Но «самоусовершенствование» и «спасение души» отца Сергия выглядели очень уж странно. Будучи настоятелем Печорского монастыря с 1948 по 1956 год, он отличился здесь пороками, за которые еще в библейские времена господь бог сурово покарал жителей Содомы и Гоморры. Юные послушники, ставшие жертвой развратного настоятеля, пожаловались выше. Духовные власти перевели развратного настоятеля в другой монастырь — Глинскую пустынь. Однако, с точки зрения руководства православной церкви, распутство отца Сергия не столь уж великий грех, а всего лишь незначительный проступок. Спустя короткое время номенклатурный пастырь духовный оказался настоятелем Покровского собора в Астрахани. Пришлось в это дело вмешаться мирскому правосудию и временно прервать духовную карьеру митроносного развратника, воздав ему должное в соответствии с советскими законами.

...К слову, такого рода грехи святых отцов

отнодь не редкое явление. Вкупе с развратным игуменом пьянством и растлением послушников занимались монахи Рафаил, в миру Полетаев, и Владимир — Носов, иеромонах Иоаникий — Зданевич и упомянутый уже инок Аркадий — Михайлов. Еще в царское время в делах Псковской духовной консистории Печорский монастырь фигурировал как вертеп разврата. Как видим, эту славу иноки обители поддерживают и в наши дни.

...Есть в монастыре целая плеяда и таких монахов — бывшие священники, которые настолько морально разложились, что дальше переводить их из прихода в приход стало уже невозможно. Пришлось убрать из церкви и спрятать подальше от разгневанных прихожан. И на первое место среди длиннополых ловеласов надо поставить того же приснопамятного отца Симеона — Сиверса. Несколько лет после заключения он подвизался в роли настыря духовного, был настоятелем церкви в селе Спасском, Мордовской АССР. Оттуда его изгнали за присвоение крупных сумм приходских денег. Спустя короткое время святой казнокрад всплыл в роли священника Казанской церкви в Волгограде. «Нажитые» в Спасском капиталы дали возможность любвеобильному мужу жить на широкую ногу. Большой любитель прекрасного пола окружил себя «духовными сестрами», с которыми предавался сугубо мирским утехам. Дело дошло до того, что ревнивые обожательницы похотливого иеромонаха прямо в божьем храме при всем честном народе стали таскать друг дружку за волосы и во всеуслышание разглашать альковные секреты своего духовника.

Скандал уже невозможно было замять. Сам епископ волгоградский вынужден был признать: «Иеромонах Симеон использовал свое положение священника и монаха, злоупотребляя религиозными чувствами верующих в низменных целях. Являя себя старцем-духовником, использовал таинство покаяния в гнусных целях вовлечения женщин в сожительство...» Выступая по этому поводу перед верующими с проповедью, епископ призвал: «Мужайтесь, братья и сестры, обстоятельства грехопадения пастыря покроем молитвою!»

...Разгневанный владыка сослал отца Симеона в Печорский монастырь. А здесь таких старых греховодников в отставке, которые в свое время достаточно потешили беса, и без него много.

Конечно, трудно судить, что кроется в душе каждого монаха, взятого в отдельности, — продолжал Георгий Петрович. — Но, ознакомившись с житиями таких отцов, как наместник Сергей, иеромонах Симеон и монах Аркадий, можно с уверенностью утверждать: монастырь является приютом и кормушкой для всевозможных грязных личностей и ловкачей-стяжателей. Посмотрите только, как продуманно и слаженно работает у них монастырская обираловка! За вход в катакомбы — деньги, за поминальные и за здравные молитвы — деньги, внутри церкви в кружку, на поднос и за свечи — деньги, за просфоры, образки, крестики и низкопробные олеографии — деньги, за визиты к святым старцам — деньги... Помимо этого в монастырь непрерывным потоком текут пожертвования изда-лека. В течение года в адрес монастыря и

отдельным монахам поступают значительные суммы наличными и сотни посылок натурой.

— Разве так и не найдется среди монахов людей убежденных, искренне верующих? — спросил я, заподозрив Георгия Петровича в излишнем пристрастии к святым отцам.

— Этого утверждать не берусь, — ответил он. — Есть и такие. Взять хотя бы Артура Ротенберга. Его отец в буржуазной Эстонии был совладельцем крупной льняной фирмы. Сына богатых родителей ждало наследство, обеспеченность в будущей жизни. Но вдумчивый, впечатлительный юноша видел, что благосостояние людей его круга зиждется на ограблении своих ближних. Когда родители из меркантильных соображений запретили сыну жениться на любимой девушке, Артур бросил учение, отказался от всех прав на отцовские капиталы и постригся в монахи под именем Серафима.

...А крестьянина-бедняка Желнина в монастырь привела нищета, потомственное безземелье. Под именем Симеона он постригся в монахи, а впоследствии принял схиму, то есть дал обет высшего аскетического отрешения от всего земного. Живет в отдельной келье-одиночке, почти никуда не выходит, время проводит в постах, молитвах и душевспасительных размышлениях, спит в собственном гробу...

Бывал я здесь еще совсем молодым человеком, студентом, — отец Симеон уже сидел в каменном мешке правее Успенской церкви. С тех пор много воды утекло: я успел закончить институт, тридцать лет учительствовал, посвятил, вырастил детей, имею внуков... А схи-

моиеромонах Симеон эти годы и десятилетия, как слепой нетопырь в спячке, провел в самозаточении.

Отец Серафим бежал в монастырь от богатства, отец Симеон — от бедности. Оба они, видя вокруг себя несправедливость капиталистического строя, твердили одно и то же: «Вижу мир Твой во зле и мира Твоего не приемлю!» Оба они бежали от гнусной действительности, пытались спрятаться от нее, не оказав никакого сопротивления злу.

...А ведь еще Лев Толстой в «Воскресении» показал верный путь, по которому пошел молодой человек из богатой семьи, оказавшись в положении Розенберга. Я имею в виду спутника Кати Масловой по этапу, осужденного на каторгу революционера Симонсона. «Решив еще гимназистом, что нажитое его отцом, бывшим интендантским чиновником, нажито нечестно, он объявил отцу, что состояние надо отдать народу. Когда же отец не только не послушался, но разбил его, он ушел из дома и перестал пользоваться средствами отца».

...Симонсон и Розенберг ушли из дома, но пошли в противоположные стороны. Первый стал борцом против угнетателей, второй трусливо закрыл глаза, уши и на всю жизнь спрятался в темную келью.

...Не помогли нищему крестьянству Печорского края молитвы отца Симеона. Право на новую жизнь оно завоевало не смирением, а оружием, поддержкой партизан, Красной Армии и Советской власти.

...Симеон и Серафим относятся к немногочисленной группе монахов-фанатиков.

...На этом свете Симеон и Серафим искали в святой обители забвения от мирских горестей и печалей. Но они жестоко просчитались, попали из огня да в полымя, очутились в вертепе разврата. Монастырь оказался не убежищем от мерзостей старого мира, а их средоточием. Даже искренняя вера стала предметом коммерции и средством наживы. Лишь только монахи Симеон и Серафим стали выделяться своим благочестивым поведением и молитвенным усердием, к ним началось паломничество верующих. Это обстоятельство руководство монастыря незамедлительно использовало в своих корыстных целях. Отцу Симеону создали репутацию святого старца, целителя и провидца. Схима отца Симеона много лет являлась одной из наиболее доходных статей монастырского бюджета. Немало поступлений в монастырскую кассу привлекает и благочестие отца Серафима.

...Что же в итоге получилось? Симеон и Серафим как будто пошли на разрыв со старым миром, а фактически превратились в активнейших защитников его устоев. Их протест оказался всего лишь красивым жестом. Постепенно они срослись с монастырской верхушкой, сами получили высокие монашеские звания и уже давно и по взглядам и в деяниях своих являются отъявленными реакционерами. Это особенно наглядно показали годы оккупации, когда Печорский монастырь не за страх, а за совесть служил фашистам.

Интересно наблюдать и за посетителями обители,— сказал Георгий Петрович, когда мы влились в поток людей, выходящих

через Петровские ворота в город. — Очень много здесь бывает ценителей красот природы, любознательных краеведов, знатоков старинного русского зодчества. Это обычные советские туристы, экскурсанты. Есть также любители монастырской экзотики. Их не интересует ни история, ни архитектура, ни природа. Лишь бы увидеть живого, волосатого монаха в скуфье и рясе.

...Далее идут богомольцы и главным образом богомолки. Из эстонского Причудья и Принаровья, из Псковской, Ленинградской, Калининской и более отдаленных областей, а также из прибалтийских республик. За редкими исключениями, это люди старших возрастов.

...Есть и такая категория верующих — околмонастырские дачники. Совмещая полезное для души и тела, они из года в год проводят отпуск в Печорах или в окрестных деревнях.купаются, загорают, удят рыбку, собирают грибы и ягоды, ходят молиться в монастырские церкви. Женщины на досуге занимаются трудовой деятельностью: шьют новые и чинят старые алтарные украшения и облачения для церковных служб, вышивают занавеси для трапезной и братского корпуса, штопают для монахов белье. Особенно много таких богомольцев-дачников из Ленинграда и его пригородов. Монахи Печорского монастыря считают Ленинград одним из наиболее доходных приходов своей епархии.

...Есть тунеядцы, паразиты. Вы их достаточно видели и у монастырских ворот и внутри обители. Это всевозможные побитрушки, окопавшиеся в Печорах или странст-

нующие по святым местам и живущие подавляющими. Их настолько много здесь околачивается, что экскурсанты иногда спрашивают: какой же это в конце концов монастырь — мужской, женский или смешанный?

...Божьи старушки уверены, что монахам уже обеспечено блаженство в загробном мире, и они надеются следом за ними втереться в рай. Каждая из них имеет своего монаха-покровителя. Некоторые святые отцы, превышая свои права и нарушая монастырский устав, нелегально постригают старушек. И вот появляется категория монашек-странниц, монашек-надомниц. Они с гордостью называют себя «мироносными девами» и в соответствии со своим духовным «саном» одеваются под монахинь, во все черное. Я знаю одну божью старицу — у нее даже на базарной авоське вышит большой темный крест. Девы-мироносицы усердно посещают всевозможные богослужения, соблюдают большие и малые посты, постоянно толкутся в монастыре, без них не обходятся похороны и поминки. В герценовском «Колоколе» когда-то была опубликована статья «Богомокрицы и богосаранча». Так вот, если монахов можно назвать богосаранчой, то к девам-мироносицам очень подходит наименование богомокрицы.

Богомокрицы — очень деятельная и пропырливая агентура святых отцов. В монастыре они обрабатывают богомольцев и экскурсантов, нашептывают им всякие небылицы о чудодейственной силе отдельных монахов и монастырских святынь. Это рекламные агенты святых отцов, они подготав-

ливают и организуют встречи верующих с так называемыми монастырскими целителями, провидцами, старцами-утешителями. А странствующие девы-мироносицы, так сказать богомокрицы, ползающие на дальние расстояния, разносят по городам и селам слухи о святости Печорской обители, вербуют новых богомольцев, помогают устанавливать письменную связь между верующими и монахами. А заодно промышляют святой водой из монастырского колодца, святым песком из «богом зданных» пещер и прочими святыми сувенирами. И попутно распространяют всевозможные провокационные слухи. Вот каковы они, эти смиренные божьи старицы!

...Наконец наблюдал я немногочисленную категорию верующих, которых с полным основанием можно назвать идеологическими двурушниками. Скажем, где-то в Энске живет почтенная, всеми уважаемая Дарья Семеновна. Учительница, на хорошем счету в коллективе, в поурочных планах и на уроках «умело отражает антирелигиозные моменты». А уйдя на пенсию, начинает Дарья Семеновна ездить подальше от Энска и усердно замаливать «грехи молодости».

...Или другой вариант. Жил-был солидный директор не менее солидного предприятия — Лука Фомич. Звезд с неба не хватал, но и от суеверий как будто был далек. Вдруг заболел Лука Фомич хроническим недугом. Лечился у профессоров, ездил по курортам, лежал в клиниках, обращался к гомеопатам, постиг тайны тибетской медицины... Ничего не помогает! Тогда по совету свояченицы махнул Лука Фомич в дальний монастырь. На всякий

случай, авось поможет. И вот наш Лука Фомич прикладывается к чудотворным иконам, отбивает поклоны в монастырских церквях, добивается визитов к старцам-целителям. И все время дрожит: как бы, упаси господи, на знакомого не нарваться! А монахи, в свою очередь, на него косо посматривают: уж очень необычного вида богомолец! Не корреспондент ли какой монастырские секреты выведывает?

А вообще, если рассматривать верующих почитателей монастыря не верхоглядствуя, — сказал Георгий Петрович, переходя от легкого иронизирования к озабоченному тону, — то есть над чем призадуматься. Ведь среди богомолков кроме ханжей, побирушек и темных суеверных людей немало пожилых женщин, которые очень много пережили во время войны, потеряли близких людей, страдают от одиночества. У них есть душевная потребность время от времени поделиться с кем-нибудь своими горестями-печалями, вспомнить своих погибших родичей, еще и еще раз перевероршить в памяти былое. Что ж, это вполне понятные человеческие чувства. А мы обычно проходим мимо таких людей, по своей близорукости или сознательно считаем подобные переживания не заслуживающими внимания. И вот в эти прорехи в работе коммунистов, профсоюзных работников, агитаторов, атеистов вползают священники и монахи. Они-то умеют выслушивать, беседовать, утешать, поминать умерших — одним словом, проводить с верующими индивидуальную работу.

...Но здесь не только молятся и занимаются душеспасительными беседами. Пе-

чорский монастырь никогда не был тихой заводью, мирным санаторием для душ, жаждущих покоя. Его руководители всегда преследовали определенные политические цели. В царские времена, как и положено, монастырь стоял на страже интересов сильных мира сего, верой и правдой служил царю-батюшке. Иначе говоря, был идейным жандармом. Над главными воротами монастыря тогда красовался блестящий позолотой двуглавый царский орел. Форма целиком соответствовала содержанию.

...Весной 1917 года проходил через Печоры со стороны фронта отряд русских солдат. Увидев ненавистную эмблему, пулеметчики установили своего «максима» и меткой очередью срубили орла.

...Почистили солдатики своего «максима», побрились, поели чуждских снетков, покурили махры и потопали дальше — на помощь питерским рабочим. А монахи выбрали общипанного орла и припрятали его. Все ждали той благословенной поры, когда можно будет водрузить двуглавого на его насиженное место. Ждали годы, десятилетия... Некоторые ждут и поныне.

...Надо сказать, святые отцы не только сентиментально вздыхали об утраченном прошлом и смиренно молились богу о возвращении на святую Русь прежних хозяев. Елико возможно, содействовали этому. В 1919 году монастырские архимандриты, иеромонахи и схимники денно и нощно благословляли на ратный подвиг святое воинство архангела Михаила-Архистратига, то бишь белогвардейские полки контрреволюционного гене-

рала Юденича, оснащенные на деньги американо-англо-французских империалистов и предназначенные для удушения революционного Петрограда. В монастырских церквях отслужено немало молебнов о даровании победы «освободительной белой армии» над «вражескими силами Антихриста».

...В годы господства эстонской буржуазии Печорский монастырь претендовал на идейное и политическое руководство русским меньшинством. Печорский епископ Иоанн (Иван Булин) даже стал депутатом IV Государственной думы Эстонии. Во время предвыборной кампании он клялся защищать в Думе интересы русского населения Эстонии. Как выполнял затем этот «представитель народа» свою миссию, говорит хотя бы такой факт. Вскоре после избрания депутатом епископ Иоанн затеял тяжбу с крестьянами деревни Горушки, пытаясь отсудить у них 18 гектаров земли в пользу церкви. А у этих бедняков в те времена на 29 дворов было всего-навсего 43 гектара.

...После образования Эстонской буржуазной республики Печорский монастырь стал Меккой белой эмиграции самых антисоветских цветов и оттенков. Сюда приезжали туристы и богомольцы по железной дороге, а более состоятельные — в легковых машинах «кадиллаках», из Прибалтики, со всей Западной Европы. А иные совершали паломничество даже из Азии, Африки и Америки. Не умевшие ранее ценить и уважать родину, свой трудовой народ, беглецы становились на колени, целовали русскую землю, проливали слезы о невозвратном прошлом. Забираясь

на колокольни и крепостные башни, с тоской взирали на восток: в хорошую погоду отсюда в бинокль, а иногда и невооруженным глазом виден псковский кремль. Здесь всего лишь небольшая пядь русской земли, а там, за рубежом, начиналась необъятная родина. Старшие показывали выросшим на чужбине своим отпрыскам прикрытый голубой дымкой краешек непостижимо огромной России.

...Иные все еще на что-то надеялись. Хорохорились, петушились, протягивая руки в сторону Пскова, давали торжественные клятвы «вернуться с победой и восстановить на святой Руси древнее благочестие». Иные действительно вернулись. Но совсем не так, как это представляли себе бывшие поручики и ротмистры из армии Юденича: попросили прощения у своего народа. А те, которые во время войны в немецких мундирах разъезжали по лагерям русских военнопленных и уже с заметным нерусским акцентом агитировали вступать во власовскую армию предателей, — те отброшены еще дальше от границ своей родины. Теперь им уже не увидеть русской земли даже с самых высоких готических колоколен Мюнхена, Нюрнберга и Бонна.

Я искренне поблагодарил Георгия Петровича за его интересную и содержательную беседу. И тут же поделился своими соображениями:

— Ладно. Верующие несут в монастырь сами, шлют денежные переводы и посылки почтой. Это их личное дело. Однако вот что странно: здесь обстановка такова, что деньги по конвейеру текут не только от верующих, но и от многих тысяч людей, не имеющих ни-

какого отношения к религии. Какая ирония судьбы: я, старый лектор-антирелигиозник, не успел сегодня оглянуться, как вместе с богомолками купил свечу и этим внес свою лепту «на процветание святой обители»! Иначе не попал бы в катакомбы.

— Да, здесь бреют всех подряд, — согласился Георгий Петрович, — и православных, и инаковерующих, и воинствующих безбожников. Формально считается «музей-монастырь», но обычаями и порядками советских музеев здесь и не пахнет.

— И еще одно, — сказал я своему собеседнику. — Знаете, какое у меня чувство возникло? Ведь нас, экскурсантов, здесь буквально грабят. И теперь я понял, что дело далеко не в тех нескольких рублях, которые оставляет каждый. Это пустяк по сравнению с тем, насколько нас обирают духовно. В первый мой приезд я внимательно прослушал объяснения монастырского гида. Возможно, этот монах силен в трапезной или в ночных бдениях, но экскурсовод из него никудышный. Сегодня я совсем случайно познакомился с вами и узнал так много интересного, поучительного. А с чем уехали сотни других людей? Что они почерпнули от невежественного монаха? И так повторяется изо дня в день уже много лет!

Меня удивляет, почему местные краеведы, атеисты бездействуют? Почему не пытаются нейтрализовать эту цитадель мракобесия? Взять хотя бы лично вас, Георгий Петрович. Вы столько можете рассказать о прошлом и настоящем монастыря и всего Печорского края! Вам и карты в руки.

— Это правильно... Нас, местную интеллигенцию, особенно атеистов, можно всячески упрекать, и мы полностью с себя вины не снимаем. До недавнего времени некоторые считали так: монастырь настолько обветшалый пережиток прошлого, что в условиях советской действительности очень скоро умрет естественной смертью. Другие понимали, что никаких послаблений религиозникам не может быть, но не знали, как подступиться к такой цитадели мракобесия. Единственное смягчающее обстоятельство для нас — особая судьба Печор. Ведь он как советский город примерно в два раза моложе других городов Псковщины. Нужно было время, пока вырастут опытные антирелигиозные работники, хорошо знающие местные условия...

— Так что готовитесь к борьбе?

— Уже готовы! Позицию самоустранения в последнее время сильно раскритиковали. Опыт показал: если монастырь оставить в покое, он сам переходит в наступление. Сегодня рядовое воскресенье, и то, смотрите, сколько народу. Но если желаете видеть, как монастырь работает, так сказать, на полную производственную мощность, приезжайте к нам в Печоры на какой-нибудь престольный праздник. Тогда увидите весь «черный легион» в действии. Например, главный монастырский праздник успения божьей матери, который бывает 28 августа по новому стилю, — это настоящий генеральный смотр силам мракобесия. Смотришь и диву даешься: сколько еще темноты и невежества пытается переползти через порог из мрачного прошлого в светлое коммунистическое будущее!

— Очень благодарен за приглашение, постараюсь приехать. А что же вы предполагаете противопоставить «черному легиону»?

— Во-первых, готовим в музее атеистические стенды. Покажем на них и славную историю Псково-Печорской крепости, и деяния святых отцов... Но наибольшего успеха мы ожидаем вот от чего: райком партии готовит группу общественных экскурсоводов. В нее входят работники местного музея, учителя, лекторы Общества по распространению политических и научных знаний. Собираемся начать войну с монахами за сотни и тысячи экскурсантов, посещающих Печорскую обитель.

ДЕНЬ БОЛЬШОГО ОБМАНА

Какое безумие и какая несправедливость — позволять стольким бездельникам жить на таких жирных хлебах за счет труда других и быть такой бесполезной обузой для общества! Вопиющая несправедливость — отдавать бездельникам, людям праздным и бесполезным, то пропитание, которое должны были получить только добросовестные труженики! Вопиющая несправедливость — вырывать из рук последних то, что они зарабатывают, производя в поте лица своего, и отдавать все это массе бесполезных монахов!

Ж. МЕЛЬЕ

Только через год с лишним мне удалось воспользоваться советом Георгия Петровича — побывать на главном монастырском празднике успения. В 1960 году все благоприятствовало устроителям: 28 августа пришлось на воскресенье и оказалось на редкость погожим днем.

Чувствовался необычайный наплыв приезжих: не попасть ни в автобус, ни в столовую, не протолкнуться в магазины. Кроме монастыря в городе шли службы в лютеранской кирке, в православной приходской церкви — Сорока мучеников и в православной сету-ской — Варваринской.

Между прочим, вот характерный пример тому, насколько гибко приспособляется церковь к местным условиям. Народность сету в окрестностях Печор и в юго-восточных рай-

онах Эстонии насчитывает всего около пятнадцати тысяч. Конечно, считать сетуское наречие самостоятельным языком и вести на нем преподавание в школах нецелесообразно. Сету обучаются на эстонском языке. А вот в Варваринской церкви уже давно служба совершается на сетуском диалекте и священников туда назначают из народности сету. Годовой график праздников, подбор икон и внутреннее убранство церкви тоже приспособлены к местным народным обычаям.

Но вернемся к цели моего приезда в Печоры. Проходя монастырские ворота, я обратил внимание, что нищих несравненно больше обычного, но все они расположились снаружи, перед главным входом. Оказывается, это одна из реформ нового наместника — Алипия, сменившего игумена Августина. Он строго-настрого запретил побирушкам толкаться в храмах, на папертях и вообще попрошайничать в черте монастыря.

Впоследствии я узнал, что приход нового начальства ознаменовался и другими нововведениями: наместник Алипий произвел чистку монашеской братии, выписал на все четыре стороны нескольких никуда не годных развалин и обленившихся бездельников. Нечего, мол, тунеядствовать, в монастыре работать надо: или службы в церкви служи, или свечи продавай, или усопших поминай, или экскурсантов по пещерам води, или в колокола трезвонь... Одним словом, занимайся «созидательным» трудом. А ежели ни на что не способен — освободи место для более достойного, а сам устраивайся в дом престарелых. Государство обязано обеспечить.

В общем, монастырская новь!

За соблюдением нищими «черты оседлости» недремлющим оком следит Маша-комендант. Эту колоритную фигуру я заметил еще во время предыдущих посещений монастыря. На этот раз мне удалось наблюдать ее во всей опереточной живописности. Представьте себе здоровенную цыганку лет сорока, в огромных русских сапожищах, в старом военном кителе, с прической полубокс, с широкой спиной и мускулистой шеей грузчика... И вот этот биндюжник в юбке хриплым контральто наводит порядок у входа в обитель, иногда «загибая» такие выражения, что скорбные лики в нишах стыдливо опускают долу очи.

Вообще, в такой страдный день заняты не только все монахи, но и многие из околмонастырского актива. Цыганка Маша числит себя тоже в этом активе, так сказать «монастырской дружинницей». Правда, людская молва утверждает, что ее общественная деятельность не совсем бескорыстна. Кое-что перепадает и ей от богомолков и экскурсантов — «на булки для монастырских голубей».

Обстановка внутри монастыря напоминает большую старинную ярмарку, только не видно лошадей. Над толпой стоит равномерный гул. Обращают на себя внимание женщины-сету в живописных национальных костюмах. На груди у них похожие на средневековые рыцарские доспехи огромные бляхи-броши; на шее мониста из серебряных монет царской чеканки; у замужних женщин косы уложены вокруг головы, из-под белоснежного

платка-линика выглядит вплетенный в косы лен.

В такой день монахам некогда прохладиться, они буквально с ног сбились. Одни охапками подносят из тыловых интендантских баз свечи, другие в наволочках таскают просфоры. Сегодня, видимо, в ход пошли все стратегические запасы. В одном месте точки специализированной торговли — отдельные киоски с вывесками «Свечи» или «Просфоры», в другом — ларек «Смешторга» — «Просфоры и свечи».

Святая вода нигде открыто не рекламируется, но и ее тоже можно получить в неограниченном количестве. В одной из церквей, свободной сегодня от службы, стоит очередь почтенных бабулек. Некоторые из них, наверное, помнят царствование Александра Третьего. Голова очереди теряется за церковным приделом. В озаряемом свечами полумраке священнодействует высокая, аскетического вида женщина в облачении монахини. Рядом с ней бак, оттуда она черпает воду кружкой и наливает в протянутую тару. А тара эта самая разнообразная: молочные бидончики, поллитровки из-под «столичной», темные пивные и лимонадные бутылки, флаконы из-под одеколona, трехгранные бутылочки из-под уксусной эссенции и даже старые солдатские фляги... На случай узкого горлышка у продавщицы божьей благодати есть под рукой удобная лейка.

А между Успенской церковью и кельей схимника втиснулся монастырский «Кульмаг». За прилавком еле управляются два монаха. Между прочим, один из них — знако-

Обмен «опытом». Сборщик приношений (с корзиной в руках) беседует с приемщиком заздравно-заупокойных заказов.

мый нам отец Серафим. Ассортимент весьма обширный: нательные крестики — от жестяных, двухрублевых, до позолоченных, дорогих, образки, иконы, богоугодная литература, поминально - заздравные книжки и прочая смесь для душе-спасительного сервиса.

А вот еще пример монастырской нови — самообслуживание верую-

щих. В свободном от службы Сретенском храме составлены вместе два больших стола, на них стопа чистой бумаги, зачиненные карандаши, коробка для денег. Желающие сами пишут имена родственников, знакомых, указывая рубрику «О здравии» или «Об упокоении». Листок кладут в общую грудку на середину стола. Указывать фамилию, отчество и адрес не надо: со всем этим разберутся в небесной канцелярии. Выполнив эту операцию, верующий тоже вполне самостоятельно приходит к умозаклучению, что в кассу следует положить деньги, притом не какую-нибудь монету, а среднего достоинства ассигнацию. Это легко сообразить, заметив, что в коробе лежат преимущественно трешки, пятерки и десятки.

Но самообслуживание самообслуживанием, а хозяйский глаз везде требуется. Здесь тоже расхаживают два дежурных: монах и практикант-семинарист. Они чинят карандаши, по просьбе слабо видящих и малограмотных пишут имена, навалом сгребают в фанерный ящик исписанные листки, время от времени опорожняют коробку...

Здесь можно увидеть и заздравно-заупокойные книжицы, которыми так бойко торгуют в «Культмаге». Одни простенькие, серенькие, другие в добротных обложках с тисненными золотыми буквами. Конечно, цены тоже разные: от копеек и до четырех рублей. Внутри вкладыши с титрами «О здравии» и «Об упокоении» и пустографки для записи имен. Это, несомненно, выглядит куда солиднее, чем листок из ученической тетрадки.

Подавляющее большинство листков и книжиц заполнено самыми обычными русскими именами. Но изредка здесь попадаются диковинки, которые в наши дни можно вычитать только в житиях святых. Какие-то сердобольные знатоки истории монастыря вспоминают иноков и архимандритов, просто иеромонахов и схимоиеромонахов, просто мучеников и великомучеников, живших бог весть в кои веки.

Представляет интерес листок с таким текстом: «За здравие рабы божьей Елены со чадами Владиленом и Диамарой». Судя по именам, уже родители Владилена и Диамары не были людьми отсталыми, тем более, надо думать, не собираются быть «рабами божьими» их дети. А вот какая-нибудь сверхзаботливая бабушка или набожная свояченица действуют.

А вот еще любопытный перечень. «За здоровье рабов божьих Марии, Ксении, Алевтины со чадами Юрием и Ольгой, Дмитрия, Григория, Степана, а также Олиной учительши Веры Семеновны и председателя колхоза Кузьмы Петровича». Что ж, надо полагать, и Олина учительница и председатель колхоза Кузьма Петрович занесены в заздравный список вполне заслуженно.

«Бам!.. бам!.. бам!..» — солидно, неторопливо гудит древний годуновский колокол; «дилинь-дилинь-дилинь», — переливчатой скороговоркой подпевают ему колокольчики-подголоски. Звонарь — ученик из отбывающих здесь практику семинаристов — стоит внизу, у подножия звонницы. Сверху от рычага-коромысла спускается вниз длинная веревка с петлей-стременем. Вставив ногу в стремя, звонарь раскачивает коромысло и весь колокол. За практикантом наблюдает опытный звонарь из монахов, так сказать инструктор звонарского дела. Он отрабатывает у юнца силу удара, ритмику и прочие элементы. Другой семинарист, забравшись на второй этаж ризницы, подзванивает. Тут уж техника несколько иная: от каждого подголоска идет бечевка с петлей, которую надевают на палец. Прodelывая пальцами те или иные манипуляции, как артист кукольного театра, звонарь вызванивает мелодию.

Да, в такой день практикантам — и семинаристам, и «академикам» — есть чему поучиться у своих многоопытных наставников: сегодня монастырское «производство» работает с полной нагрузкой. Тут уж можно поднатореть на ниве околпачивания честного

Такими заздравно-поминальными книжками бойко торгуют монастырские служки.

народа. Одни в колокола трезвонят, другие помогают продавать просфоры и свечи, принимать заздравно-заупокойные заказы, третьи прислуживают на торжественном богослужении в соборе. А один практикант даже самостоятельно выступает в качестве гида.

В катакомбах все по-старому, за исключением двух свежих захоронений. Оказывается, недавно умерли доживавший свой век в монастыре престарелый архиепископ Владимир (Владимир Кобец) и знакомый нам девяностолетний схимоиеромонах. Ниши еще не закрыты, в них горят свечи, на гробах лежат свежие цветы.

Юный гид останавливается около могилы старца Симеона. Рассказывает о «жизненном подвиге» святого человека, который большую часть сознательной жизни провел в темной келье вот в этом самом гробу...

«Да, на редкость содержательная биография! — подумал я. — Человек несколько десятков лет добровольно провел сразу в двух гробах — в мрачной келье и вот в этой дощатине. Какие-то сердобольные почитатели старца принесли ему, мертвому, свежие цветы. А ведь будучи живым, он вторую половину жизни почти не видел ни цветов, ни неба, ни солнца, ни птиц, ни детей, хотя провел рядом с бьющей ключом жизнью девяносто с лишним лет. Не прочитал ни одного художественного произведения, не видел ни одной кинокартины, не слышал ни одной мелодии Бетховена, Чайковского... Скоро эту могильную ячею заделают навсегда, и какие конкретные дела останутся после отца Си-

меона, якобы совершившего жизненный подвиг? Пожалуй, только воспоминание о нелепо загубленной человеческой жизни и о тысячах обманутых людей, которых старец исповедовал, утешал, «исцелял», которым «предсказывал» будущее. Если и остался конкретный след земного бытия старца Симеона, то лишь в одном: его стараниями несколько десятилетий заметно пополнялась монастырская касса. В этом отношении монастырские руководители будут долго и вполне искренне сожалеть о тяжелой и трудно заменимой утрате».

Попасть в Михайловский собор нелегко: там сегодня служит сам епископ псковский в присутствии местной монашеской знати и важных гостей из других монастырей и епархий. Много людей и перед собором. На обширной площади прямо под открытым небом стоит главная святыня монастыря — так называемая чудотворная икона Успения божьей матери, именинница, в честь которой устроено сегодняшнее торжество.

Постоянно эта реликвия находится в древней Успенской церкви, вырытой в песчаной горе. Накануне чудотворную с надлежащими церемониями и почестями перенесли наверх, в собор, сегодня после богослужения ей предстоит в сопровождении крестного хода вернуться в свою постоянную резиденцию.

Если бы мать божья могла писать мемуары! Сколько бы она поведала нам интересного из своей многовековой биографии! Она рассказала бы, как перед ней преклоняли колена многие цари и императоры Россий-

ской державы, как перед ней заискивали и давали ей взятки сановные бояре, графы, министры, полководцы и прочие сильные мира сего. Она рассказала бы, как чудотворные иконы вместе с воинами на крепостных стенах «отражали» штурмы неприятеля. И наравне с другими защитниками богоматерь была кровно «заинтересована» в успехе обороны. В тех случаях, когда крепости удавалось устоять — а это, за редкими исключениями, случалось всегда, — богородицу щедро награждали за ратный подвиг. Ей справляли новую, украшенную жемчугами и драгоценными камнями ризу, позлащали оправу иконы, ставили ее на серебряный ковчег... А когда однажды взял верх неприятель, он ободрал все драгоценности, осквернил храмы, на некоторое время оставил божью мать нагой и бездомной.

После вторжения Наполеона в Россию чудотворная выезжала в командировку в Псков. Там с ее участием состоялся крестный ход вокруг города и освящение воды в реке Великой. И как известно, мать божия успешно «защитила» весь северо-западный фланг русской обороны от прорыва наполеоновских орд. Командующий пехотным корпусом граф Витгенштейн, который руководил операциями на этом участке фронта, не забыл «заслуг» богородицы. После успешного окончания кампании он прислал чудотворной «на украшения и прочие расходы» ни много ни мало тридцать тысяч рублей золотом.

Но еще больше было у чудотворной неудач. Перед ней народ молился во время чумы, оспы, холеры и прочих поветрий, перед

ней ползали на коленях, умоляя спасти от голода, засухи, градобития, пожаров и войн, ее посили с крестным ходом вокруг монастыря, вокруг города, на поля и в окрестные селения — а «всенародная заступница» ничем не могла помочь несчастным... К ней приходили крепостные девушки и слезно просили заступиться за них, не допустить произвола лютого разлучника-помещика... А иные доверяли ей самую сокровенную тайну, испрашивали совета, как поступить, как скрыть от людей плод запретной любви. И не получив от «защитницы всех скорбящих» ни совета, ни утешения, многие накладывали на себя руки. К чудотворной приходили за исцелением припадочные, юродивые, незрячие, прокаженные, горбатые, хромые и прочие калеки — но богоматерь не знала, как врачевать их.

Если бы божья мать могла писать или рассказывать, она, краснея от стыда и возмущения, поведала бы нам, как монахи от ее имени в течение веков обманывали доверчивых людей. Хитроумными способами исторгали у нее «слезы», совершали всевозможные «обновления» иконы, подговорив пришлых бродяг, разыгрывали перед иконой сцены «чудотворных исцелений».

Если бы мать божья могла писать мемуары, она закончила бы их такими словами: «Люди добрые! Сотни лет вы молились передо мной о лучшей, счастливой жизни... Но я ничем не могла помочь вам. Ибо видите: я всего лишь обыкновенная женщина с младенцем на руках. Вы сами достигли того, о чем мечтали, своими руками создали то, о чем меня просили. И я, чудотворная, тоже творе-

ние ваших рук, плод вашего воображения. Мой век миновал. Отнесите меня в музей на вечный покой. Четыреста с лишним лет люди в черных рясах обманывали вас от моего имени. Но во второй половине двадцатого века такими непотребными делами заниматься стыдно!»

Однако монахи другого мнения. Прикрываясь чудотворной, как щитом, они в своем средневековом обличье пытаются вползти в коммунизм. Прошлая история печорских чудотворных икон, — кстати, их здесь несколько, — многочисленные «чудотворения», связанные с ними, в свое время запечатлены монастырскими летописцами. Я осмелюсь к этим произведениям приключенчески-фантастического жанра добавить еще одно описание, за 1960 год (лета 7468 от сотворения мира). Но сделаю это, как умею, в реалистическом стиле.

На площади вокруг чудотворной собралась толпа народа, пожалуй тысячи две, а то и больше. Перед иконой монах в парадном облачении совершает торжественное богослужение. Размахивая кадилом, он славословит богородицу, распевает в честь ее праздничный акафист. Это такой панегирик, что до него далеко самым выпрненным державинским одам.

...Радуйся, сокровище живота неистощимое.
...Радуйся, райских врат отвержение.
...Радуйся, садителя жизни нашей родшай.
...Радуйся, лестница небесная еюже сниде бог.
...Радуйся, утробо божественного воплощения.
...Радуйся, яко еси царево седалище.
...Радуйся, чертоже бессеменного уневещивания...

Второй монах — этаким рослым детина с рыжими локонами до плеч! — следит за порядком. Он удерживает напирющую толпу, оставляя у иконы свободный проход. В этот проход непрерывной вереницей тянутся верующие «прикладываться» к чудотворной.

Учитывая общую возросшую культурность населения, в том числе и верующих, монахи теперь не занимаются примитивным одурачиванием у чудотворной. Один простак поверит, а несколько десятков поумнее засмеют и разоблачат.

Более того, последние годы монахи сами проводят среди верующих специальную работу — как себя вести культурно во время молений. В текущем году тоже задолго до главного престольного праздника читались проповеди о правилах благопристойного поведения в храмах, у икон, в частности у чудотворной: не падать на пол и не трястись, подобно припадочным кликушам; не бить лбом в землю — делать легкие поклоны, не касаясь пола; не стонать и не вопить во весь голос — богоматерь не глухая, услышит; не слюнявить икону — чтобы другим не отвратно было; подолгу не задерживаться — облобызала легким поцелуем и проходи дальше, другим тоже надо; не обвешивать со всех сторон чудотворную своими приношениями, а потихоньку передавать из рук в руки специально поставленным на то монахам...

Но от укоренившихся привычек скоро не отучишь. Церковники веками приучали! Добравшись до чудотворной, иной старушке хочется и триждытрикрат осенить себя крестным знаменем, и, бухнувшись на колени,

отбить хотя бы полдюжины поклонов, и рассказать заступнице о наболевших горестях-печалях, и от избытка чувств всласть всплакнуть, и от всего сердца несколько раз облобызать непорочную деву... Но сзади напирает очередь, монах-регулировщик и словами поторапливает и слегка рукой подталкивает: проходи, бабка, не одна тут!

А первый монах между тем знай размахивает кадиллом и нижет-нижет словесные гирлянды, будто из рога изобилия сыплет церковнославянскую заушь:

...Радуйся, высоту неудобовосходящая челове-
скими помыслами:
...Радуйся, глубину неудобозримая и ангельскими
очима.

...Радуйся, царствия нерушимое стено.
...Радуйся, древо благосеннолиственное.
...Радуйся, бане, совесть омывающая.
...Радуйся, невесто невестная.

Далеко не всеми выполняется наказ и о порядке преподнесения имениннице подарков. Отдать монаху в укроном закоулке — этак никто и знать не будет. То ли дело, вынуть свой дар при всем честном народе, развернуть во всей красе да повесить на видном месте.

И вот обвешивают со всех сторон чудотворную подарками и самодельными и покупными. Это главным образом вещи, имеющие отношение к дамскому туалету: чулки, носочки, сорочки из крестьянского полотна и трикотажные, сетуские полотенца-линики, ночная рубашка и даже... изящный голубой пояс для подвязок.

Чудотворная! Это к ней съезжаются верующие из разных уголков страны.

Вот невысокая бабка присела, затем пружинисто выпрямилась, ловко перекинула через верх иконы пару длинных-предлинных чулок из грубой шерсти. И лихой жест, и поза, и удовлетворенный взгляд говорили: знай наших! Свисающие чулки закрыли лик богоматери, монах раздраженно стащил их и швырнул в общую кучу. Время от времени это добро охапками относят на склад. Правда, с ассортиментом подарков получается неувязка: ведь богородице всего не сносить, а монастырь-то мужской...

Между тем славословице в честь богоматери конца-краю не видно. Как фокусник-иллюзионист тащит из шляпы бесконечные цветные ленты, так монах извлекает из своего бездонного акафиста все новую и новую словесную мишуру:

...Радуйся, бесов многоплачевное поражение.
...Радуйся, полков вражеских сокрушительница.
...Радуйся, сил преисподней и козней дьявольских
разрушительница.
...Радуйся, из глубины неведения извлекающая.
...Радуйся, мрежи рыбарские наполняющая.

Но будем справедливы: несмотря на все феерическое суесловие акафиста в честь матери божьей, составителям его нельзя отказывать в чувстве поэзии. Какие пышные и многообразные метафоры!

Неладно получается с соблюдением гигиенической профилактики. Когда икону настолько замызгают, что не видно лика богومатери и по стеклу лениво стекают ручейки слюны, дежурный монах, брезгливо морщась, срывает подарочное полотенце или платок и широкими взмахами протирает стекло.

Вдобавок, отходя от иконы, верующий натывается на массивный, покрытый ядовито-зеленой окисью медный крест, который ему тычут прямо в лицо. К нему тоже надо приложиться. Этот крест монах изредка вытирает рукавом рясы.

Глядя на это комплексное прикладывание, я вспомнил таинство причащения; лжицу, которая за час успевает побывать в сотнях ртов; купель, в которую, не меняя воды, погружают многих младенцев во время крещения. Если перейти от архаической церковной терминологии к современной, то совокупность всех этих обрядов можно назвать «поточной линией распространения заразы». Невольно возникает вопрос: почему контроль органов санинспекции не распространяется

на массовые религиозные мероприятия? Если в церкви неправильно сделана электропроводка — пожарная инспекция имеет право вмешаться; если потолок храма угрожает обвалом — инженерный надзор запретит собрание граждан в таком помещении, пока опасность не будет устранена. А врачам, видите ли, разрешается только лечить священнослужителей и монахов, на этом их права и обязанности по отношению к церквям и монастырям кончаются.

В 1929 году Советская власть запретила изуверские ритуальные обряды мусульман-шиитов во время праздника шахсей-вахсей. Это мотивировалось тем, что, «доходя до иступления, верующие наносят себе и другим опасные для здоровья и жизни раны и увечья». А массовое распространение инфекционных заболеваний — разве это не опасно для здоровья и жизни многих тысяч трудящихся?! Пожар в церкви или возможный обвал потолка — это случаи чрезвычайно редкие, можно сказать, исключительные. А пренебрежение элементарными требованиями санитарии и гигиены испокон веков характерно для повседневной практики церковников и монахов.

Инфекция распространяется не только через целование икон. Ведь в монастыре имеется свой «пищеблок», который обслуживает тысячи верующих. Кто знает, в каких условиях выпекаются просфоры, которые, между нами говоря, являются обычными булочными изделиями? Как их хранят? Как замешивают тюрю для причастия? Как часто моют полотенца-платы и церковную утварь?

В прошлый раз Георгий Петрович рассказывал мне о таком факте. В 1948 году в Печорский монастырь перевели монаха из другой обители. Святой отец, видимо, бурно провел свою грешную жизнь: старые насельники монастыря заподозрили, что новичок страдает «дурной болезнью». Монашеская братия объявила прибывшему бойкот. С ним отказывались есть за одним столом, спать в одной комнате. Как видим, о себе монахи беспокоятся. Когда дело касается их личного здоровья, они не полагаются ни на чудотворные иконы, ни на молитвы, ни на святость места и духовного сана. Наместник Сергей послал монаха на медицинское обследование. Подозрения полностью подтвердились. Больному назначили курс лечения, он долгое время ходил на процедуры в городскую поликлинику.

В связи с этим случаем возникает ряд вопросов. Монахи и игумен обратились за помощью к мирским врачам, когда понадобилось обезопасить себя. А что было сделано ими для того, чтобы изолировать сифилитика от общения с верующими? Кто их контролировал? Быть может, монах продавал свечи, мял в своих пальцах деньги, насыпал пригоршнями просфоры. Или, чего доброго, работал на монастырской пекарне. Болезнь обнаружили, когда она уже бросалась в глаза. А сколько времени монах ходил больной до этого? Какие обязанности выполнял в той обители, откуда его перевели в Печоры? Этот грех святого отца нельзя было скрыть, он стал достоянием гласности. А сколько подобных тайн вместе с прочим «сором» не выносятся за порог обители?

Попробуем быть оптимистами, предположим, что в данном конкретном случае опасность на всех этапах была предотвращена. Но такой факт еще раз убеждает нас, что ограничиться самоконтролем самих монахов никак нельзя. Нашим медикам надо обязательно дать права держать под неусыпным контролем всевозможные богоугодные рассадники болезней. А священнослужителям и монахам, которые до сих пор услаждали свое обоняние только благоуханием ладана, пора отведавать запахов хлорной извести и карболки. Полезно также будет, если они иногда отвлекутся от возвышенных евангельских текстов и познакомятся с такими мирскими произведениями прозаического жанра, как акт санитарного инспектора. Наравне с прочими смертными!

Да, Георгий Петрович был прав: этот престольный праздник действительно генеральный смотр силам мракобесия. И сегодня наглядно видно, что власть «черного легиона» распространяется далеко за пределы Псковщины. Часа три продолжалась служба у чудотворной, а люди все шли и шли... Правда, отживающую традицию поддерживают в основном старухи и старики. Но вперемежку с ними попадают также люди средних возрастов, а изредка и молодежь. Особенно досадно за юношей и девушек! Кто они? Колхозные механизаторы, доярки, свиноводы, работники промкомбината местной промышленности... Дома у них стоят радиоприемники и телевизоры, некоторые из них приехали в монастырь на собственных машинах. И вот эти современники бригад

коммунистического труда и космических полетов раболепно гнут спину перед иконой, как их далекие предки во времена Бориса Годунова или Анны Иоанновны. От этих печальных фактов не надо отмахиваться, их нельзя замалчивать, чтобы и дальше не самоуспокаиваться, чтобы наглядно было видно, как много у нас еще работы на идеологическом фронте. Правда, печорские старожилы уверяют, будто нынешние монастырские празднества уже не отличаются былым размахом. Но для атеистов это — слабое утешение. И то, что осталось в наследство от прошлого, слишком уж архаично выглядит в наши дни...

Наконец из собора хлынул народ, показались хоругви, за ними чинно следовали епископ, приезжие архиереи, архимандриты и прочие высшие чины черного и белого духовенства в высоких золотисто-серебристых шапках-митрах. Их окружали монахи и священники более низких ступенек иерархической лестницы, не в столь пышном облачении.

Чудотворную взяли на руки шестеро дюжих мужчин, и она поплыла в многотысячной толпе, сопровождаемая песнопениями и дымом кадил. Была невообразимая давка, толчея и неразбериха. Стихийный людской поток уносил икону то влево, то вправо от намеченного маршрута. Иногда она вообще застревала. Тогда на помощь приходили дежурные монахи и добровольцы из верующих. Они «прорубали» проход в плотной массе человеческих тел и проталкивали чудотворную дальше. А в иных местах, напротив монастырских святынь, крестный ход останавливался

согласно существующему церемониалу, и там на ходу служили краткое молебствие.

Крестный ход завершился прохождением по легендарному «Кровавому пути». Наконец людская толча дохлестнула до стен Успенской церкви. Носильщики трижды приподняли чудотворную вверх: богоматерь попросалась с народом, пожелала всех благ. Дав сильный крен, ковчег нырнул в распахнутые двери храма.

Официальная программа праздника окончена. Народ расходится по домам, родственники ведут под руки еле живых старушек. Им, бедняжкам, намяли сегодня бока, до следующего успения памятно будет!

У выхода я встретился с Георгием Петровичем.

— О, и вы здесь! — обрадованно воскликнул он. — Посмотрели наш «печорский карнавал»?

— Посмотрел... Специально для этого приехал.

— И как понравилось?

— Гм... «Понравилось» не то слово, — ответил я. — Конечно, зрелище очень интересное, настоящий «Крестный ход в Курской губернии», и я, как лектор-антирелигиозник, своей поездкой очень доволен. Но когда подумаешь, что это происходит в шестидесятом году двадцатого века, то просто оторопь берет!

— Да, зрелище действительно интересное! — согласился Георгий Петрович. — Несколько десятков бездельников по призыванию вовлекли в свой «богоугодный карнавал» несколько тысяч верующих. А по-

смотреть на их затеи собралось еще больше любопытных. Многие участники и болельщики приехали из колхозов. Сами не работали, оторвали от дела общественные автомашины. Иные толкутся здесь два дня подряд: ведь праздничные церемонии начались вчера пополудни. Но это еще полбеды. Водворением иконы в Успенскую церковь программа празднества далеко не закончена. По существующей традиции любой престольный праздник завершается всеобщим пьяным разгулом на местах. Обычно пьянка длится два-три дня. А время-то, посмотрите, какое!

Георгий Петрович достал из кармана районную газету «Печорская правда» за 28 августа и протянул мне. Я сразу обратил внимание на передовицу — «Напряжение на полях должно достигнуть высшего предела!»

— Но какое дело монахам до уборки урожая, до «мирской суеты»! — с горечью сказал Георгий Петрович. — Ведь они не сеют, не жнут, им верующие готовое несут. Пока что в наших краях эти престольные праздники помимо их реакционной сущности настоящий бич для колхозного производства. Сегодня на торжественном богослужении в честь богородицы поется: «Радуйся, мрежи рыбарские наполняющая!» Но как раз в такие дни «мрежи рыбарские» часто бездействуют и пустуют. И это не только в переносном смысле, но и в прямом: на побережье Чудского озера и Псковского есть много рыболовецких колхозов, которые периодически страдают от благосклонного внимания к ним монастыря и чудотворной.

Выйдя в город, я обратил внимание на группу офицеров-экскурсантов, которые стояли у входа в монастырь. Им что-то объясняла женщина-экскурсовод, указывая на крепостные стены.

— Это что за новшество? — спросил я у моего спутника.

— Придется немного похвастать, — ответил Георгий Петрович. — Местные атеисты все-таки создали группу общественных экскурсоводов. Сейчас в этой роли вы видели научную сотрудницу краеведческого музея. Правда, летом наплыв экскурсантов бывает настолько большой, что удовлетворить все заявки очень трудно. В некоторые дни «пик» обслуживаем до десяти экскурсий. Особенно туго приходится работникам музея. Бывают периоды, когда вся эта работа ложится на их плечи.

— А как координируете свою работу с монахами?

— Откровенно говоря, плохо. Монахи объявили нам настоящую «холодную войну», в храмы и катакомбы не пускают. Но мы все-таки не унываем. Обходим обитель снаружи, на дворе рассказываем о храмах, не заходя внутрь. Конечно, экскурсанты сожалеют, что не удастся побывать в катакомбах. Но и в таком виде экскурсии дают несравненно больше, чем раньше. Они перестали быть монополией невежественных монастырских гидов.

Между прочим, у руководителей обители есть серьезные основания дуться на нас, — добавил Георгий Петрович. — Советую вам заглянуть на Юрьевскую улицу в наш краеведческий музей и ознакомиться с экспози-

циями о Печорском монастыре. Тогда поймете, почему монахи, мягко выражаясь, недовольны местными атеистами. С тех пор как музей активно включился в антирелигиозную работу, его дела пошли в гору: гостей-экскурсантов заходит все больше, а в книге посетителей все чаще появляются благодарственные записи.

ДЕЛА МОНАСТЫРСКИЕ

Монастыри являются ненужным пережитком средневековья, который в XX веке не имеет никакого права на существование.

Ф. ШАХЕРЛЬ

Опять побывал я в Печорах летом шестьдесят второго года. За это время в монастыре произошли кое-какие изменения. Во-первых, расценки на свечи, поминания и прочие виды обслуживания верующих были приведены в соответствие с новым денежным курсом. Во-вторых, под воздействием критики в печати монахи вообще перестали выступать в роли гидов. Теперь этим полностью занимаются общественные экскурсоводы.

Правда, тайком святые отцы продолжают водить людей в катакомбы и получают от этого доход. Но это уже не носит массового характера. В пещеры посетителей допускают только выборочно, из числа верующих. А чтобы не было лишних разговоров, стали чаще практиковать богослужения в подземной Рождественской церкви. Дескать, никаких экскурсий в пещеры нет, просто старушки ходят туда молиться.

И еще одно новшество. В монастыре в течение длительного времени работали строители из Пскова. Они обновили ряд монастырских помещений и храмов, реставрировали

крепостные стены и башни. Даже восстановили кое-где бревенчатые помосты, на которых некогда стояли у бойниц стрелки. Одним словом, привели Печорскую крепость в «боевую готовность».

Глядя на обновленную обитель, я вспомнил одну статью, на которую наткнулся, листая подшивки старых газет в библиотеке местного музея. В газете Печорского края «Русский вестник» 31 марта 1934 года некто А. Владовский писал:

«В настоящее время стены и башни Печорского монастыря представляют из себя печальное зрелище. Они медленно разрушаются, и, так как почти совершенно не реставрируются, этому историческому памятнику XVI века угрожает постепенное, но верное уничтожение».

Статья заканчивается таким призывом к эстонскому правительству и русской обществу:

«...Пока хотя бы приостановить разрушение, а реставрацию отложить до того времени, когда представится для этого возможность!»

Но в то время это было гласом вопиющего в пустыне. Судя по духу статьи, автор не очень-то благожелательно был настроен к Стране Советов. И уж никак не предполагал, что капитальная реставрация монастыря будет осуществлена при Советской власти и при непосредственном ее содействии, что именно при безбожниках-большевиках святую обитель приведут в «христианский вид».

В этот день в роли экскурсовода выступал Георгий Петрович. Пристроился и я к группе

учителей из Латгалии. Сначала идем вокруг крепостных стен. Одна за другой возвышаются неприступные некогда твердыни — крепостные башни. Они и сейчас выглядят весьма внушительно. Юго-западный угол крепости занимает Тайловская башня. Высота ее — 15 метров, толщина стен — 2 с половиной метра, 37 расположенных в три яруса бойниц. Далее еще более грозная махина — башня Верхних решеток, или Западная, высотой в 25 метров. Тарарыгинская, Изборская, Благовещенская, Никольская, Петровская, Тюремная башни... Эти каменные громады, оснащенные передовой для того времени техникой, создавали северо-западному форпосту России славу неуязвимого «железного города».

Круг замкнут, мы опять у входа в монастырь, перед Петровскими воротами. Дальше — небольшой дворик, за ним — Святые ворота и уже знакомый мне «Кровавый путь».

Между прочим, этот дворик в свое время имел особое назначение — был огорожен со всех сторон и служил хитроумной фортификационной ловушкой. В нее однажды попались шведы. Сломав главные ворота, они лавиной хлынули вперед, решив, что победа близка. Но перед ними оказались еще одни — столь же прочные Святые ворота. Вражеские солдаты оказались в западне, большинство из них было перебито защитниками крепости.

— Как будто институт общественных экскурсоводов оправдывает себя? — спросил я Георгия Петровича, когда мы остались вдвоем.

— Несомненно! Еще летний сезон далеко не закончен, а у нас на счету более двух сот экскурсий, свыше семи тысяч экскурсантов. До конца года эти цифры вырастут в полтора — два раза. Конечно, не сразу все гладко пошло. Главная беда — мало нас, приходится вывозить одним и тем же. Хотелось бы, чтобы наши ряды были погуще.

...Неплохо в этом году работал у нас городской Университет культуры, особым успехом пользовался факультет научного атеизма. Чаше стали выезжать с антирелигиозными лекциями в колхозы. В некоторых колхозах организовали постоянные атеистические экспозиции... Одним словом, позиции печорских атеистов за последние два-три года заметно окрепли. Но чтобы одолеть такого противника, как Печорский монастырь, надо делать в несколько раз больше...

— А что у вас за таинственная книжица, в которую вы иногда заглядываете, отвечая на вопросы экскурсантов?

Георгий Петрович протянул мне брошюрку. «Описание Псково-Печорского первоклассного мужеского монастыря. Москва, 1909 год. Типография Вильде, собственный дом», — прочитал я на малиновой обложке.

— Пока наши псковские специалисты напишут что-нибудь более современное, придется пользоваться для справок вот такими древностями. И то совсем случайно у букиниста достал.

В это время мы проходили по городскому скверу. Присели на скамейку, и я тут же стал жадно листать страницы «Описания», даже кое-что выписал себе в блокнот.

Конечно, составитель сборника был далек от мысли бросить тень на святую обитель. Наоборот, каждой своей строкой тщился возвеличить славу «первоклассного мужеского монастыря». Но материал говорит сам за себя.

Даже в такой старорежимной интерпретации брошюра объективно является обличительным антирелигиозным документом. Используя для современного издания отдельные главы о прошлом монастыря, их можно было бы привести почти целиком, только придав заголовкам более современное звучание. Вот, например, идет речь о «золотом веке» обители во времена крепостного права. «О владениях и угодьях монастырских». Это можно сказать так: «Монастырь — крепостник, торгош, эксплуататор».

«Мельниц водяных мучных, оброчных и необрочных — 7.

Садов яблоневого и вишневого — 5; огородных мест — 60.

Рыбных ловлей на Псковском озере — 16; торговых лавок — 27.

Важня, монастырский гостиный двор, три избы больших с чуланами и сенями, 8 амбаров — для приезжих и прохожих богомольцев».

«По ревизской книге значится за Печорским монастырем крестьян мужеского пола 3932 души».

Полный список монастырских «владений и угодий» еле уместается на восьми страницах. Было время, когда святой обители принадлежало около половины деревень Печорского края. Еще не так давно монастырь вел

бойкую торговлю в Печорах, в Пскове и даже с границей. А торговать было чем: монастырские угодья давали рыбу, овощи, фрукты. Для прокормления монашеской братии с избытком хватало обильных приношений верующих. Излишки шли в монастырские лавочки и продавались... тем же верующим. Еще и сейчас большинство печорских магазинов размещается в торговых рядах, принадлежавших некогда монастырю. В городе до сих пор используют немало бывших складских помещений монастыря; сохранился двухэтажный жилой дом, который монастырь сдавал в аренду городской полиции.

Глава «О чудотворениях и замечательнейших происшествиях в сей обители». Иначе говоря: «Монастырь — центр распространения всяческого мракобесия».

«О вкладчиках и вкладах». Проще: «Монастырь — стяжатель». По этому разделу в числе прочих выписок из «монастырского синодика» читаем и такие:

«Князь Никита Гагарин дал монастырю в дар деревню Каменку со всеми угодьями».

«Госпожа генерал-майорша Вакселева отдала на вечное владение в недалеком от монастыря расстоянии сад с огородом за положение в святой пещере тела сестры своей Анны Ламаковой и за поминовение души ее».

Между прочим, в старину считалось большой честью быть похороненным в «святых» пещерах. Некоторые родовитые бояре, именитые дворяне платили монастырю за место в катакомбах очень крупные суммы или рассчитывались натурой.

А вот совсем иные мотивы: идет материал, который может лечь в основу главы «Печорский монастырь — памятник русского родчества». Описание семи монастырских церквей — Никольской, Лазаревской, Благовещенской, Сретенской, Рождественской, Успенской, Покровской и Михайловского собора. Самая древняя церковь, Успенская, построена еще в 1473 году. У главного входа, вплотную к Никольской башне, в 1565 году пристроена Никольская церковь. В типично псковском стиле: одноглавая, с характерными псковскими орнаментами, с одним полукруглым выступом-абсидой. Это церковь-бастион, церковь-воин. В ее подвалах хранили боеприпасы, во время осады в ней укрывался гарнизон крепости. Даже два колокола на ее колокольне — это военные трофеи, отбитые в 1581 году защитниками монастыря у войск Стефана Батория. Рядом с главной звонницей еще один памятник псковского стиля — построенная в 1541 году Благовещенская церковь.

История монастыря действительно связана с замечательными историческими событиями. Но это не выдуманные монахами небывшие-чудотворения, а героические подвиги русского народа, грудью ставшего на защиту своей родины. Об этом можно рассказать в главе «Печорская крепость — защитник наших северо-западных рубежей».

Например, в 1581 году, во время Ливонской войны, польский король Стефан Баторий хотел с ходу взять Печорскую крепость-монастырь, чтобы развязать себе руки для операций против Пскова. Он бросил на

штурм крепостных стен осадные орудия и многочисленные войска. Гарнизон состоял всего из двухсот обученных стрелков под командой молодого воеводы Юрия Нечаева. Основную массу защитников составляли так называемые посадские люди, то есть укрывшиеся за крепостными стенами население околмонастырского поселка. Вот как рассказывает об этой героической обороне летописец:

«Сделав проломы почти до подошвы стен, воины неприятеля устремились в оные. Но осажденные пищальными выстрелами, камнями и другими орудиями паки не впустили их и отогнали, бившись с утра и до вечера. В сражении воинам помогали женщины и дети, из окрестности туда укрывшиеся, заряжая пищали, принося вскипяченную воду для излияния на осаждающих».

Печорская крепость выдержала трехмесячную осаду, отразила многочисленные штурмы. Более того, осажденные делали вылазки, забирая в плен солдат и обозы противника.

Выдержала Печорская крепость двухмесячную осаду шведо-литовской армии и в 1611 году. Во время Северной войны, при Петре Первом, эту крепость не смогла взять двухтысячная армия Карла Двенадцатого. Только однажды за всю историю монастыря, в 1592 году, неожиданным налетом шведам удалось на короткое время ворваться внутрь и сжечь деревянные постройки. Но скоро они были выбиты оттуда.

В одной из описей монастырского имущества в семнадцатом веке значится, что «в сей

обители имеется всевозможных орудий по башням и стенам 428; к ним пороху в казне 196 пудов 22 гривенки и с полугривною; ядер различных 2265 пудов; свинцовой дроби 5 пудов 20 гривен да 18 корыт свинца невешанного...»

Только после окончательной победы над Швецией и заключения Ништадтского мира в 1721 году, когда к России отошли Эстляндия и Лифляндия, Псково-Печорская крепость утратила свое первостепенное военное значение.

— Конечно, в этом «Описании» есть искажения исторических фактов и недомолвки, — сказал Георгий Петрович, когда я возвратил ему брошюру. — В частности, совсем умалчивается о том, что между «святой обителью», обирающей народ, и посадскими людьми происходили частые столкновения. Иногда они выливались в бунты и даже восстания. Так, в 1650 году, во время крупного народного восстания на Псковщине, отряд бунтарей под предводительством Пашки Печорянина захватил монастырские житницы и роздал голодающим зерно.

...Совершенно неправильно трактует «Описание» историю казни настоятеля монастыря Корнилия в 1570 году...

Тут я насторожился: легенду о вспышке гнева у Ивана Грозного, о его раскаянии и «Кровавом пути» я уже слышал из уст монастырского гида.

— Фактически дело было так, — продолжал Георгий Петрович. — Вождь консервативной боярской оппозиции князь Андрей Курбский изменил родине и в 1564 году

бежал в Литву. По пути он заехал к своему другу и тайному политическому единомышленнику игумену Корнилию. Некоторое время скрывался у него в монастыре. Да и после Корнилий переписывался с Курбским, снабжал его деньгами. Царь Иван узнал о предательском поведении печорского настоятеля спустя несколько лет и только в 1570 году распорядился казнить его с двумя ближайшими помощниками. Приговор был приведен в исполнение в Пскове. Так что ни о какой поспешности и горячности, якобы допущенных царем, не могло быть и речи.

...Но по мнению монахов, измена родине — не бог весть какой грех. Вопреки бесспорным историческим фактам, они объявили Корнилия невинно пострадавшим мучеником, занесли его в святцы, считают одним из главных монастырских святых. Эту традицию — очень легко перебежать в стан врагов русского народа — монашеская верхушка сохранила до наших дней. Впрочем, в этом сейчас убедитесь сами: ведь вы собирались зайти в музей и ознакомиться с новой экспозицией о монастыре...

Вот она, позорная летопись деяний православного духовенства во временно оккупированных районах страны!

После захвата гитлеровцами Прибалтики с ведома и одобрения оккупантов был создан так называемый Балтийский экзархат, то есть самостоятельная православная церковь, не подчиненная московскому патриарху. Во главе экзархата фашистские власти поставили митрополита Сергия (Воскресенского), который преднамеренно остался в ок-

купации и порвал с Московской патриархией. В 1941 году фашиствующий экзарх выступил в издававшихся гитлеровцами газетах с резкой критикой позиции патриарха всея Руси за его патриотические призывы к верующим советским гражданам.

У митрополита Сергия были далеко идущие планы — он верил в окончательную победу Гитлера и с благословения оккупантов готовился стать московским патриархом. Кроме экзархата, он создал в августе 1941 года «Псковскую православную миссию», возглавившую православную церковь в оккупированных районах восточнее Прибалтики. Сфера ее влияния постепенно расширялась по мере продвижения захватчиков вперед. Эта Миссия должна была стать основой для создания Московской патриархии в рамках пресловутой «Новой Европы».

Экзарх Сергей одновременно являлся настоятелем Печорского монастыря. Непосредственное руководство обителью осуществлял его наместник игумен Павел, в миру Павел Горшков. Этого махрового монархиста еще в 1924 году пригреб в монастыре тогдашний наместник Иван Булин, впоследствии ставший печорским епископом Иоанном. Как говорится, свояк свояка увидел издалека: Булин сам попал в пастыри из белогвардейских офицеров. Вполне понятно, что не духовные потребности привели этих черносотенцев в «святую обитель», расположенную у границ с Советским Союзом. Они вдвоем приложили немало сил, чтобы превратить монастырь в гнездо политических авантюристов.

Так что митрополит Сергей мог вполне положиться на игумена Павла. О том, как работали на пару настоятель и его заместитель, говорит хотя бы такой документ:

«Наместнику Печорского Успенского
Монастыря
Игумену Павлу

В ночь с 21-го на 22 июня с. г. исполняется год той освободительной борьбы, которую ведет Победоносная Великогерманская Армия с большевизмом во имя спасения человечества от сатанинской власти поработителей и насильников.

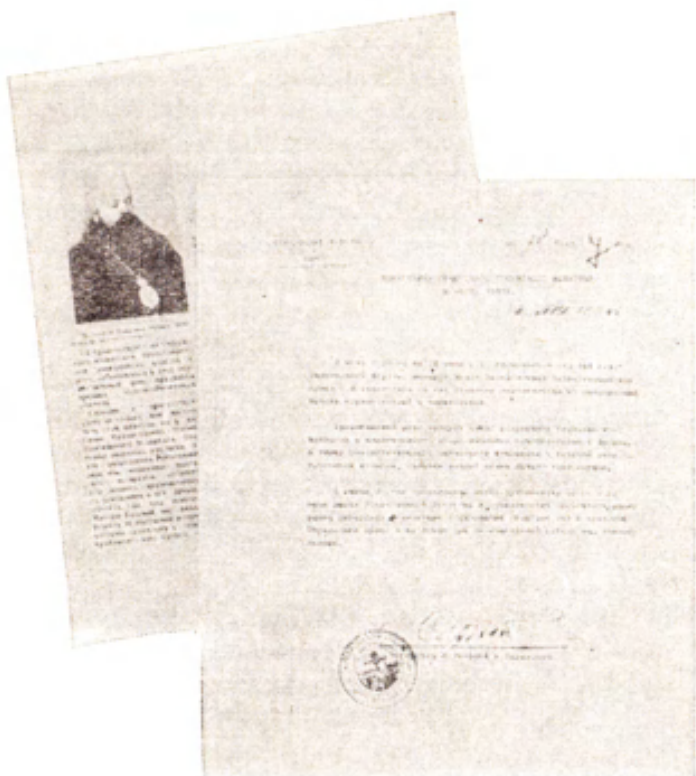
Христианский долг требует от нас искреннего сознания всей важности и необходимости продолжающейся освободительной борьбы, а также соответствующего серьезного отношения к великой дате современной истории, ознаменовавшей собой начало этой борьбы.

В связи с этим предписываю всему духовенству 21-го сего июня после Божественной Литургии и произнесения соответствующего слова совершить молебствие о даровании Господом сил и крепости Германской Армии и ее вождю для окончательной победы над большевизмом.

10 июня 1942 г.

Сергий, митрополит
Литовский и Виленский».

Обратим внимание на одно существенное обстоятельство: это распоряжение касалось не только Печорского монастыря — оно бы-

Документы обличают. Распоряжение митрополита Сергия о совершении православным духовенством благодарственных молебствий в честь годовщины со дня вторжения гитлеровцев в Советский Союз и речь Сергия на открытии архипастырского совещания (из печорской профашистской газеты «Новое время»). Слева: автор послания и выступления — экзарх Сергий.

ло разослано во все православные епархии и приходы Балтийского экзархата и Псковской православной миссии. Это видно из самого текста: «...предписываю всему духовенству...» В связи с этим позволительно задать вопрос священнослужителям и церковным деятелям всех рангов — Якову Начису,

Николаю Трубецкому, Константину Шаховскому, Николаю Шенроку, Евлампию Рясенскому, Ивану Преображенскому и другим, которые руководили паствой в те мрачные годы и здравствуют поныне: Как же вы, мнящие себя душеприказчиками русского народа, выполняли это предательское предписание?! Как вы совершали молебствия «о даровании господом сил и крепости Германской Армии и ее вождю», то бишь каннибалу Гитлеру? Ведь ваши коллеги по ту сторону фронта от сельского священника до патриарха всея Руси призывали русский народ на священную войну против фашистских захватчиков. Как вас держали ноги у алтаря? Как поворачивался язык? Как вы смотрели в глаза своим прихожанам?

Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что монастырских святых отцов угрызения совести не мучили. Они всячески старались выслужиться перед оккупантами. Вот докладная игумена Павла областному комиссару Беккингсу от 22 июня 1942 года:

«Почтительно имею честь доложить Вам, что по благословению экзарха митрополита Сергия в Печорском монастыре 21-го сего июня было совершено молебствие о даровании нашим освободителям окончательной победы. Да поможет господь бог победоносной Великой Германской Армии и ее вождю А. Гитлеру в окончательном уничтожении коммунизма. Примите уверения в совершенном к Вам уважении и готовности служить. Игумен Павел с братией».

И это далеко не единственная верноподданническая стряпня фашиствующего игуме-

Святые отцы за одним столом с гитлеровцами. Открытие архипастырского совещания в Сретенском храме 28 августа 1943 года.

на. Ко дню рождения Гитлера он посылает ему от имени всей монашеской братии поздравительную телеграмму и коллективный подарок. В ответ через псковского гебитскомиссара пришло следующее подтверждение: «Канцелярия Фюрера уполномочила меня передать вам благодарность за поздравление и присланный вами подарок ко дню рождения Фюрера».

В годы оккупации в Печорском монастыре происходили съезды и совещания высшего духовенства Балтийского экзархата. Особенно помпезно прошло так называемое архипастырское совещание в конце августа 1943 года. Кроме митрополита Сергия на нем присутствовали архиепископ нарвский Павел, архиепископ ковенский Даниил, епископ

рижский Иоанн, схиепископ Макарий, благочинный Элий Верхоустинский и удостоенные высокой чести приходские священники Быстров, Жемчужин, Савин, Буров, представитель кулачества Долмановский и другие. Монастырскую братию представлял игумен Павел и его ближайшие сподвижники — монахи Илья, Аркадий, Никон, схимоиеромонах Симеон. В совещании приняли участие также высшие оккупационные власти: верховный комиссар Псковской области Беккинг, его адъютант фон Эссен, префект полиции города Печор, городской голова и другие. Для полноты картины присутствовали здесь и такие темные личности, как благочинный Иоанн Легкий, бежавший в 1945 году за границу и подвизающийся сейчас в Америке. Будучи сам завербован немецкой политической полицией, Иоанн Легкий по ее заданию занимался вербовкой подчиненных ему священников.

Это было на редкость трогательное единение креста и свастики. В день успения — 28 августа — архифашисты плечом к плечу с архипастырями приняли участие в молебствии и крестном ходе в честь божьей матери, после чего состоялись торжественное открытие совещания и банкет. В монастырском Средненском храме за длинными столами, уставленными всевозможными яствами, вперемежку уселись высокопоставленные рясы и гитлеровские мундиры. При свете церковных люстр сверкали украшенные драгоценными камнями епископские иконки-панагии, массивные золотые цепи и немецкие погоны. У одних на груди красовались золотые кре-

сты — православные, у других «железные» — гитлеровские. Главной хозяйкой на пиршестве была немка — дражайшая половина гебитскомиссара Беккинга.

О целях созванного синедрiona владыка Сергей без всяких аллегорий сказал тут же за столом:

«Сегодня я присутствую здесь не только как настоятель этой обители, но и как глава Православной церкви Балтийского экзархата. Особенно радостно для меня то, что с разрешения рейхскомиссара мы, епископы Балтийского экзархата, собрались для нашего архипастырского совещания в эту древнюю обитель, где, под покровом матери божьей, мы должны решить те насущные вопросы, которые скопились в течение приблизительно одного года со времени последней нашей конференции».

Что же это за «насущные вопросы»? Пожалуйста, вот они:

«Нашей задачей является разъяснение необходимости борьбы, общей борьбы русского и германского народов против большевизма. Господин окружной комиссар может быть уверен в том, что мы, возглавляющие русский народ, понимаем наши задачи. В единении заключается сила!»

В этом месте корреспондент русской профашистской газеты «Новое время», писавший репортаж о совещании, патетически восклицает: «И Владыка Митрополит поднимает стакан с монастырским квасом!»

Митрофорные святые отцы и фюреры Плескаугебит¹ очень охотно позировали фо-

¹ Плескау (нем.) — Псков; гебит — область.

тографам и увековечили это архипастырское собрание во всем его обнаженном кощунстве. Хотя к тому времени немцы были разгромлены в битвах на Волге и на Курской дуге, пастыри-предатели еще надеялись на окончательную победу фашизма. И уж никак не предполагали, что эти фотографии попадут для всеобщего обозрения на антирелигиозные стенды в тех же Печорах.

И в промежутках между архипастырскими совещаниями печорская идеологическая оберфельдкомендатура работала с полной нагрузкой, здесь повседневно творились дела, угодные богу и фюреру.

В монастырь за пастырским благословением приезжал предатель Советской родины генерал Власов. Он получил и благословение и всемерную поддержку. Руководители белого и черного духовенства обратились к верующим с воззванием, именем бога призывая вступать добровольцами в так называемую Русскую освободительную армию — РОА.

В начале войны в Печору приехал Константин Шаховской, сын известного монархиста Якова Шаховского, деятель белоэмигрантского молодежного движения. Он сколотил из местных антисоветских элементов профашистскую организацию «Молодые русские энтузиасты». Экую «благородную» задачу поставил перед молодежью потомок русских аристократов — лизать сапоги оккупантов, да еще с выражением энтузиазма на лице!

Под боком у монастыря, в деревне Печках, в годы оккупации обосновалась фашистская разведшкола, в которой одновременно гото-

В память о совместной «работе». Участники совещания высшего духовенства Балтийского экзархата и его почетные гости. В центре: экзарх Сергей, справа от него: фашистский окружной комиссар Беккинг с супругой.

вили от 80 до 100 шпионов и диверсантов для засылки в партизанские отряды и в тыл Красной Армии. Святые отцы и «молодые русские энтузиасты» работали в тесном контакте с командованием школы, помогая отбирать проверенных кандидатов из кулацких и белоэмигрантских сынков.

Князья церкви издавали директивы, составляли инструкции и воззвания, а черновую работу выполняли святые отцы более низких рангов. Они не только молились и произносили проповеди: не веря в действенность своих молитв, прежде всего уповали не на господа бога, а на полицаев и эсэсовцев. Приведем, например, выдержки из послужного списка иеромонаха Лина (Ильи Никифорова), служившего приходским священни-

ком в деревне Заянье, Лядского района, в Каменном Погосте и Павловом Погосте, Гдовского района, Псковской области.

Сохранилась подписка Никифорова, данная им гдовскому благочинному, уже упомянутому приспешнику оккупантов Иоанну Легкому. Вот ее текст:

«Я, священник церкви Каменный Погост Никифоров Илья Никифорович, вступая в члены Православной миссии, беру на себя торжественное обещание выполнять все богослужения православной церкви, всемерно помогая германскому командованию по выявлению лиц, враждебно настроенных по отношению к немецким властям и мероприятиям, проводимым ими».

И фашистский агент в рясе из всех сил старался оправдать доверие оккупантов. Используя свое положение священника, он через верующих выявлял, где укрываются коммунисты и советские активисты, кто поддерживает связь с партизанами, кто непочтительно отзывается об оккупантах... Не гнушался при этом пользоваться признаниями прихожан, сделанными на исповеди. Собранные сведения передавал благочинному Легкому, а тот в свою очередь немецким комендантам Лядского и Гдовского районов.

В июле 1942 года монах Лин дважды донес лядскому коменданту о появлении партизан в деревне Заянье. Направленные туда каратели нескольких партизан убили, а двоих захватили в плен и повесили. В октябре 1943 года он же донес фашистам о прибытии партизанского отряда в деревню Вейно. Тогда же он выдал гестаповцам двенадцать совет-

ских патриотов, оказавших поддержку партизанам.

Опасаясь возмездия со стороны партизан, Никифоров вместе со своей сожительницей Л. И. Бакиновской в конце 1943 года укрылся за монастырскими стенами, изображая из себя смиренного инокa. Но и здесь не оставил своего гнусного дела. После изгнания оккупантов из Псковщины он делал вылазки из монастыря и под видом проповедника с иконой в руках бродил по Печорскому району, собирая разведывательные данные и передавая их Павлу Горшкову.

Мрачная фигура монаха Лина отнюдь не была исключением среди монашеской братии. Послушник Ефимий, например, не только доносил в гестапо, но и своими руками уничтожал русских патриотов. Еще в 1919 году Ефим Кастенков (он же Петров) с оружием в руках перебежал из Красной Армии к Юденичу. Позже служил в Качановском разведбатальоне белоэстонской армии. С такими «заслугами» ему нельзя было возвращаться на родину — в деревню Стремутку, под Псковом. Зато его с распростертыми объятиями приняли в Печорский монастырь.

Когда в оккупированных районах начался фашистский террор и запахло кровью, бывший белогвардеец решил тряхнуть стариной. Ему показалось, что наступила пора взять реванш за неудачи в 1919 году. Став добровольным помощником полицаев и эсэсовцев, он трижды участвовал в расстрелах советских патриотов, причем лично жестоко расправлялся с ними.

Монах Лин, послушник Ефимий и компа-

ния творили свои гнусные дела с ведома и благословения наместника. Игумен Павел и сам лез из кожи вон, стараясь выслужиться перед хозяевами. Собирая через монахов у богомолков всевозможные сведения, он передавал их в гестапо. Особенно гибкой и пронырливой агентурой в ту пору показали себя ближние и дальние богомокрицы. Немало на совести этих ханжествующих праведниц загубленных душ. Вместе с Горшковым на оккупантов работала его сожительница Эльза Грюнверк.

Следует рассказать еще об одном позорном, антипатриотическом деянии печорских святых отцов.

В Псково-Печорской обители в течение веков скопились огромные ценности. Монастырю преподносили подарки русские цари, императоры, бояре, министры, купцы, богатые помещики... Туда же тащил свои трудовые рубли и копейки простой народ. За массивными стальными решетками ризницы хранились настоящие сокровища. Некоторые уникальные предметы могли бы с успехом занять место рядом с лучшими экспонатами Эрмитажа и кремлевской Оружейной палаты.

В ризнице хранились золотые и серебряные кресты, чаши, кубки, дарохранительницы, паникадила, лампы, усыпанные драгоценными камнями ризы и митры, старинные иконы и евангелия... Здесь были кубок, ложка, вилка и золотая цепь из девятнадцати звеньев, принадлежавшие Ивану Грозному; именной перстень и серьги с лазоревыми яхонтами царицы Анастасии Федоровны, первой жены Ивана Грозного; вышитая золотом

плащаница — дар Бориса Годунова; золотая чаша царя Михаила Федоровича; украшенные золотом и камнями ризы, преподнесенные императрицей Анной Иоанновной; личные вещи императора Александра Первого... И многое, многое другое.

В двадцатых годах эстонское буржуазное правительство создало специальную комиссию, которая сделала опись монастырских сокровищ и примерно оценила их. В те времена ходили слухи: если ценности ризницы реализовать в деньгах, то их хватило бы, чтобы купить все земельные угодья Эстонии. Возможно, в подобных оценках и были некоторые преувеличения. Но, конечно, ни в каких цифрах не выразить историческое значение этих памятников русской культуры.

Людская молва утверждает, будто в прежние времена на ризнице висело семь замысловатых разносистемных замков, ключи от которых хранились у семи старших монахов. Войти в хранилище они могли только с общего согласия, всемером. Но и семь хитроумных замков не могли уберечь сокровища, если у хозяев обители по-настоящему не болело сердце о народном достоянии. Сокровища постепенно таяли и в годы военных невзгод, и в мирные дни. Это были единственно реальные чудеса, которые происходили в «святой обители».

И окончательно ризницу очистили те же «друзья», которые совсем недавно пировали рядом со святыми отцами в Сретенском храме. Монастырские сокровища были на учете у крупных гитлеровских акул и в Пскове, и в Риге, и в Берлине. Их до поры до времени не

трогали — пока оккупанты заигрывали с православным духовенством. Но лишь только советские войска приблизились к Пскову, фашисты без всяких церемоний наложили на ценности свою хищную лапу.

Казалось бы, у монахов были большие возможности вовремя спрятать хотя бы самое ценное. Вспомним, с какой самоотверженностью советские люди спасали во время войны исторические ценности и произведения искусства. А в монастыре столько закоулков, потайных ходов, катакомбы с сотнями склепов. Но куда там! Игумену Павлу с братией казалось, что немцы вывозят слишком мало. И когда из-за нехватки транспорта Беккинг выделил «только» два грузовика и предложил отобрать лишь самое ценное, святые отцы завопили: мало, надо еще четыре!

По распоряжению игумена Павла его помощники и единомышленники — иеромонах Серафим (Розенберг), иеродиакон Вукол (Николаев), диакон Илья (Нечаев) и послушник Серафим Селиванов — тайно от остальной братии подготовили ценности к отправке. Только в одном из ящиков было упаковано 525 предметов из драгоценных металлов.

О готовящемся преступлении все же проведдали и остальные монахи. Среди них нашлись и такие, которые запротестовали. Они в глаза называли наместника предателем «святой обители». Но подавляющее большинство монахов действовало заодно с Горшковым: дескать, надо спасти монастырское добро от большевиков. Кроме того, на стороне

игумена была грубая сила: вместе с машинами прибыла немецкая вооруженная охрана.

Накопленные веками культурные и материальные ценности, видимо, навсегда потеряны для советских людей. Во всяком случае, до сих пор никаких следов печорских сокровищ не обнаружено.

Сразу после освобождения Печор несколько монахов из «монастырской оппозиции» обратилось к архиепископу ленинградскому Григорию с пространной жалобой на своего игумена. Они подробно рассказали в ней о перипетиях, связанных с опустошением ризницы, и о том, как наместник и его помощники в ограблении святой обители действовали заодно с гебитскомиссаром. Наместник и его приспешники даже выдвинули «встречный план» — пытались вывезти драгоценностей значительно больше, чем требовали сами оккупанты.

Впрочем, это разоблачительное письмо было продиктовано не столько заботой о судьбе обители, сколько желанием авторов жалобы обелить себя, отмежеваться от фашистских приспешников.

Как же отблагодарили господ арийцы своих верных холоуев за их усердие?

Когда летом 1944 года фронт приблизился к границам Эстонии, верные слуги оккупантов из Печорского монастыря и со всего Балтийского экзархата собрались было на запад вместе со своими хозяевами. Наместник Павел поначалу тоже надеялся, что при помощи немецких друзей вместе с монастырским серебром и золотом, возлюбленной Эльзой и наиболее преданными монахами перебази-

руется в какую-нибудь тихую обитель подалее от большевиков. Но не тут-то было! Зачем гитлеровцам православные попы и монахи в Германии — тем более что у самих горит земля под ногами?! Последовал приказ: «Сокровища мы заберем, а вы оставайтесь в Печорах. Продолжайте работать на нас, ждите — скоро вернемся». Из насельников монастыря оккупанты оставили в тылу советских войск игумена Горшкова, Эльзу Грюнверк, монаха Лина и других.

А с экзархом Сергием оккупанты поступили еще проще. Брать его с собой не имело смысла, оставлять где бы то ни было в живых они опасались: владыка слишком много знал. Выжав из своего высокопоставленного лакея все, что было возможно, гитлеровцы ликвидировали его за ненадобностью. Причем сделали это полностью в духе иезуитско-гестаповских традиций: подослали тайных убийц, которые и пристрелили митрополита недалеко от Вильнюса при возвращении его из женского монастыря. К слову, его высокопреосвященство довольно часто удостаивал своим присутствием это богоугодное заведение. По складу своего характера владыка был эпикурейцем и не ограничивал себя монастырским квасом.

Что ж, такая трагикомическая кончина святого мужа явилась вполне логическим завершением его жизни. Как говорится, жил грешно — умер смешно.

При жизни владыка и его высокопоставленные сподвижники на каждом шагу любили повторять: «Мы, возглавляющие русский народ...» Какое самомнение у этой жалкой

кучки отщепенцев! Нет, не пошел за ними русский и весь советский народ! В те дни, когда эти иуды буквально у святого алтаря за тридцать сребреников продавали родину, истинные патриоты Прибалтики и Псковщины в борьбе против оккупантов жертвовали своею жизнью. Неподалеку от Печор островская комсомолка Клава Назарова повторила подвиг Зои Космодемьянской. Ей посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. На Псковской земле в годы оккупации возник обширный партизанский край, во многих районах в тылу у немецких войск была восстановлена Советская власть. Весной 1942 года, в разгар ленинградской блокады, крестьяне Псковщины, делясь последним, отправили через линию фронта героическим защитникам города Ленина обоз с продуктами.

Вот кто представлял русский народ, вот кто делал историю!

Когда хоть немного ознакомишься с деятельностью печорских монахов в годы оккупации, то уже совсем в ином свете представляются их нынешние богоугодные дела. Опять вижу перед собой внутренность Сретенского храма и длинные столы, покрытые скорбными листками и книжицами.

«За упокой воина Федора, убиенного под Пустошкой».

«Об упокоении рабы божией Елены со чадами Павликом и Людой».

«За упокой Максима, Петра, Ефросинии...»

«Об упокоении...», «За упокой...»

Раньше мне прежде всего бросалась в глаза коммерческая сторона этой традиции, я воз-

мущался тем, что монахи беззастенчиво наживаются на чужой беде. Но теперь понимаю: главное не в деньгах, а в морально-этической подоплеке монастырских заупокойных молитв. По сути дела, на наших глазах разыгрывается чудовищная по своей циничности и лицемерию комедия.

В самом деле! Чьими именами исписаны эти ворохи, целые копны бумаги? Это преимущественно жертвы войны, жертвы оккупации. Погибшие в боях с фашистами советские воины и партизаны, уничтоженные карателями старики, женщины и дети, расстрелянные и замученные в лагерях пленные... Невольно вспоминаешь: а ведь в этом самом Сретенском храме, за этими же длинными столами монахи пировали вместе с главными карателями Псковщины! Под этими сводами митрополит Сергей, игумен Павел и гебитскомиссар Беккинг именем божьей матери призывали беспощадно расправляться с партизанами, со всеми непокорными!

И сами собой напрашиваются вопросы. А кто эти дежурные монахи? Кто молится об упокоении убитых и замученных? Быть может, те самые святые отцы, которые служили молебны «о даровании господом победы Гитлеру»?

Не «может быть», а так оно и есть! Хотя нынешние насельники монастыря обеими руками отрещиваются от деяний своих предшественников, факты остаются фактами. Конечно, за истекшие годы состав монашеской братии заметно обновился. Но и сейчас здесь имеются ветераны позорной службы православного креста фашистской свастики.

Вспомним хотя бы умершего в 1960 году престарелого схимоиеромонаха Симеона. Он был правой рукой игумена Павла, активно участвовал в архипастырских совещаниях, его мы видим на фотографиях рядом с гитлеровскими офицерами... Схимник Симеон ратовал за «встречный план» при ограблении немцами ризницы. И вот этот сподвижник фашиста Горшкова еще пятнадцать лет после войны, до своей кончины, числился в обители главным «святым старцем». Он исповедовал, утешал, исцелял, благословлял, поминал умерших... Попасть к нему на прием было нелегко, богомолки подолгу дожидались очереди. Олицетворяя собой «совесть монашеской братии», схимник Симеон возглавлял внутримонастырское судилище монахов — так называемый Совет старцев...

А вот еще один старожил обители — уже знакомый нам и поныне здравствующий игумен Серафим (Розенберг), тоже из ближайшего окружения Павла Горшкова. В годы войны был главным хранителем монастырских сокровищ, под его руководством осуществлялась упаковка и эвакуация ценностей. Он так и остался монастырским ключником.

Игумен Серафим считается духовным преемником отца Симеона. Руководство монастыря прочит его в «святые старцы» вместо умершего схимника.

Этот список можно было бы продолжить. Но и приведенные примеры убеждают нас, что монахи, работавшие в прошлом на оккупантов, не изгоняются из монастыря, их даже не осуждают. Наоборот, именно такие люди пользуются особым почетом у монашеской

братии и покровительством со стороны руководства обители.

*   *

*

Оставалось еще несколько часов до отхода моего поезда в Эстонию. Сегодня я решил познакомиться с так называемым Титовым камнем, о котором приходилось слышать не раз.

Иду вдоль одной монастырской стены, по Международной улице, сворачиваю влево и по крутой тропке спускаюсь вдоль другой стены. Тихо уходит под башню Верхних решеток малозаметный ручей Каменец. Кое-где его можно перепрыгнуть, а посмотрите, какую титаническую работу проделал этот скромный труженик! За многие тысячелетия прорыл в плотных песчаных толщах ложбину на десятки метров в ширину и глубину.

Выбираюсь из оврага Каменца на возвышенное место. Отсюда открывается величественная панорама: утопающая в зелени обитель, многочисленные главы церквей и купол Михайловского собора, освещенный вечерним солнцем город, окрестные рощи, леса и нивы.

Здесь когда-то, в ту пору еще молодой, художник Николай Рерих, большой поклонник русской старины, нашей северной природы, контрастных красок и самим же выдуманных миражей, рисовал древнюю обитель, близкие и далекие лесистые взгорья Печорского края — темно-синие утром, голубые днем и оранжевые перед заходом солнца.

Отсюда блудный сын своей родины Игорь Северянин слушал майскими ночами неистов-

ство монастырских соловьев. Слушал и слагал стихи:

Соловьи монастырского сада,
Как и все на земле соловьи,
Говорят, что одна есть отрада
И что эта отрада — в любви...

Здесь в начале тридцатых годов восторженный юноша Саша Осипов, активный деятель Русского студенческого христианского движения, писал свои религиозно-мистические стихи, взывая к всевышнему: «Помоги мне, боже, к истине стремиться!»

Примерно через тридцать лет профессор богословия Ленинградской духовной академии Александр Осипов постиг истину, низложил с себя духовный сан и стал страстным пропагандистом идей научного атеизма. Но помог ему не бог, а сама жизнь.

Иду краем обрыва против течения Каменца. Играющие на лугу мальчишки показывают мне место, где среди густых зарослей ольшаника лежит невидимый сверху Титов камень. Придерживаясь за ветви кустарника, осторожно спускаюсь вниз. Вот она, древняя языческая святыня! Обыкновенный ледниковый валун. Он когда-то скатился с обрыва, подмытый водами Каменца, и врос в землю рядом с живым ложем ручья.

Этот немой свидетель тысячелетних заблуждений темных людей намного старше монастыря, является его духовным предшественником. Далекому гостю со Скандинавских гор когда-то приписывали волшебную силу исцелять от желудочно-кишечных заболеваний. На нем корчились от болей язвенники,

больные аппендицитом, дизентерией, заворотом кишок, гастритами, раковыми опухолями...

Затем невядалеке отсюда, на крутых склонах Каменца, появились пещеры отшельников, еще позже среди дремучих лесов показались кресты и главы монастырских церквей. Долгое время языческий камень не хотел уступать первенства своему младшему христианскому собрату. Он серьезно соревновался с монахами, которые предавали наследие язычества анафеме.

Но камню все же пришлось сдаться на милость молодого, более сильного противника. И несколько столетий он уже был не столько конкурентом, сколько помощником монахов: от камня шли к монастырским целителям. Одним из филиалов этого христианско-языческого комбината был еще Святой дуб в монастырском саду, кора которого якобы излечивала от всех видов зубных заболеваний. Иные бабки, стоя на коленях, грызли многострадальное дерево прямо на корню. В годы Советской власти монахи закрыли доступ к этому стоматологическому чудо-дереву, обнесли его колючей проволокой. Очень уж пошарлатански в наши дни стало выглядеть врачевание дубовой корой, которая годна лишь для выделки кож.

Теперь функции Святого дуба и Титова камня перешли к городской поликлинике и больнице. Камень лежит в овраге полузабытый, среди зарослей ольшаника к нему пролегает узкая тропка. Это тропа таких же, как я, экскурсантов. Не за горами то время, когда и монастырь окончательно отживет свой век,

когда и к нему зарастут тропы богомольцев и останется только широкая дорога экскурсантов и туристов.

Карабкаюсь наверх по крутому склону оврага. Какой здесь необычный песок! То кристаллический, светлый, то глинисто-красноватый, но в том и в другом случае такой плотный, что из него можно вырубать бруски и плиты. Притом абсолютно мертвый. Именно в таком стерильно-безжизненном песке вырыты монастырские катакомбы.

Проходя на обратном пути мимо главных монастырских ворот, заглянул ненадолго внутрь... Бросаю прощальный взгляд на тенистые аллеи, на сверкающие купола и кроткий лик ангела, призывающего к спасению души — на всю эту неземную идиллию. Теперь-то я знаю истинную цену этому внешнему благолепию! Вон опять чинно шествуют монахи на вечернее богослужение, опять со всех сторон стекаются девы-мироносицы, уныло гудит годуновский колокол: «бам!.. бам!.. бам!...»

А мал-городок Печоры живет совсем другой жизнью, совсем в ином веке. Около самой крепостной стены, по Фабричной улице, громыкает гусеничный трактор, вдоль другой монастырской стены, по Международной, мчатся такси, легковые машины, грузовики, мотоциклы... Вверху по безоблачному небу прочерчивает дугу реактивный самолет. Со стадиона доносятся крики футбольных болельщиков, в городском парке играет духовой оркестр...

Наблюдая это контрастное сосуществование столь различных эпох, я вспомнил крат-

кое описание геологической истории этих мест, которое прочитал на одном из стендов в краеведческом музее. Некогда Печорский край покрывало древнее девонское море. Прошли миллионы лет, морское дно стало сушей, донные пески были прикрыты и спрессованы чудовищным давлением более поздних напластований. Но кое-где древние породы выпирают наружу, и тогда рядом с живым, цветущим покровом земли соседствует мертвый песчаник с отпечатками окаменелостей давно вымерших моллюсков и ракоскорпионов. Это так называемые девонские обнажения, которые можно наблюдать на обрывах вдоль ручья Каменца.

Печорский монастырь в наши дни очень напоминает мертвые девонские пласты. Годы советского строя навсегда похоронили старорежимное прошлое, разрушили его и развалины прикрыли новью. И все же кое-где на поверхность современной цветущей жизни выступают вот такие «девонские обнажения» с «живыми окаменелостями» ушедших веков.

Нет сомнения, что в недалеком будущем под животворными лучами коммунизма навсегда исчезнет почва, питающая тунеядствующих насельников монастыря. И тогда в полное распоряжение советских людей перейдет прекрасный музей, повествующий о героическом прошлом русского народа и о той неблагоприятной роли, какую играл в течение веков монастырь как оплот религиозного мракобесия.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКСКУРСИЯ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	3
СВЯТЫЕ УГОДНИКИ	27
ДЕНЬ БОЛЬШОГО ОБМАНА	50
ДЕЛА МОНАСТЫРСКИЕ	75

**ГОСУДАРСТВЕННЫМ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
БУДУТ ВЫПУЩЕНЫ В 1963 г.
СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ И БРОШЮРЫ
ПО ВОПРОСАМ АТЕИЗМА:**

Календарь атеиста.— 40 л.

Это издание является популярным настольным календарем-справочником, в котором освещается широкий круг вопросов по истории и теории атеизма, истории науки и ее борьбы с религиозными догматами, по религиозным праздникам и обрядам, истории церкви. Большое место уделено достижениям современной науки, критике основных религиозных направлений, религиозной морали.

Календарь богато иллюстрирован. В работе над ним принял участие большой круг квалифицированных авторов. Издание рассчитано на пропагандистов-атеистов.

А. А. ОСИПОВ. Катихизис без прикрас.— 16 л.

Автор этой книги — бывший магистр богословия, профессор Ленинградской духовной академии, порвавший с религией, вставший в ряды пропагандистов научного атеизма. Его новая книга посвящена критике Катихизиса, являющегося на-

ряду с Библией настольной книгой православно-го верующего. С позиций науки автор разоблачает и критикует досужие измышления Катихизиса, показывает их истинную сущность. Книгу с интересом и пользой прочтут пропагандисты, люди, интересующиеся проблемами атеизма и религии, а также и верующие.

МАРК ТВЕН. Письма с Земли.— 16 л.

Имя великого американского писателя Марка Твена хорошо известно читателям нашей страны. Впервые издаваемая на русском языке книга «Письма с Земли» представляет собой сборник никогда не публиковавшихся в СССР атеистических произведений писателя, долгое время хранившихся в его архивах и только сейчас по требованию общественности изданных в США.

В книгу входят сатирические очерки «Письма с Земли», «Архив семейства Адама» и др., в которых подвергаются беспощадной критике «священные» книги христианской религии, ханжеская религиозная мораль, обычаи и обряды христианства. В яркой остроумной форме блестящий мастер сатиры разоблачает несостоятельность религиозного вероучения, высмеивает его носителей.

Новая книга Твена представит большой интерес для самого широкого круга читателей.

«Художественная библиотечка атеиста».

В библиотечку войдут 10 брошюр, содержащих художественные атеистические произведения крупнейших мастеров отечественной и зарубежной литературы: М. Горького, В. Короленко, А. Kupрина, В. Маяковского, Д. Бедного, А. Упита, Ги де Мопассана, Я. Гашека, Марка Твена, сборник народных атеистических сказок, сборник народных атеистических анекдотов.

Геродник Геннадий

ПРАВДА О ПСКОВО-ПЕЧОРСКОМ МОНАСТЫРЕ.
М., Госполитиздат, 1963.

111 с. с илл.

(Беседа с верующими.)

2

Редактор *С. Никоненко*

Художник *Н. Пешков*

Художественный редактор *Г. Семиреченко*

Технический редактор *Н. Трояновская*

Сдано в набор 11 января 1963 г. Подписано в печать 12 марта 1963 г.

Формат 84 X 108¹/₃₂. Физ. печ. л. 3¹/₂. Условн. печ. л. 5,74.

Учетно-изд. л. 4,04. Тираж 200 тыс. экз. А 03037.

Заказ № 1019. Цена 9 коп.

Госполитиздат, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Типография «Красный пролетарий» Госполитиздата Министерс-
культуры СССР. Москва, Краснопролетарская, 16.

